

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Л. Василевский Восемь двенадцатимиллиметровых пуль делали пистолет серьезным оружием. Я сумею быстро выхватить его, чтобы в случае необходимости стрелять первым. А сколько может быть диверсантов? Двое, трое, ну, четверо. А если больше? Больше, чем патронов в обойме? Перезарядить пистолет уже не успеть...

**ЧЕКИСТСКИЕ
БЫЛИ**

МУЖЕСТВО

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

ЛЕВ ВАСИЛЕВСКИЙ

ЧЕКИСТСКИЕ БЫЛИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

ЗДЕСЬ ПРЕДСТОЯЛО МНЕ НАЧАТЬ СЛУЖБУ

Влажный теплый воздух, наполненный ароматом субтропических растений, осязаемо окутывал меня. Я шагал, пытаюсь укрыться от дождя под густыми кронами магнолий. Их белые цветы, похожие на болотные кувшинки, словно вылепленные из воска, светились среди плотной темно-зеленой листвы, источая приторный запах, с непривычки слегка круживший голову.

Наверное, дождь шел давно, быть может, неделю, может быть, больше. Город был вымыт им до умопомрачительного блеска, и каждый камень под ногами блистал первозданной чистотой... Здесь предстояло мне начать службу в органах ГПУ.

...Шел 1927 год. В ГПУ Аджаристана работал небольшой дружный интернациональный коллектив: русские, грузины, армяне, греки, латыши, эстонцы и даже один венгр из военнопленных, оставшийся в России после первой мировой войны. Чекисты приняли меня в свою среду, и спустя несколько дней я уже чувствовал

себя равноправным среди них и с их помощью неплохо разбирался в местной обстановке.

У этой маленькой окраинной республики была своя история, стремительно протекавшая за последнее столетие. Еще в первой половине XIX века Аджаристан находился под властью турок, огнем и мечом насаждавших ислам. Но аджарцы, став мусульманами, сохранили свой родной грузинский язык и древние обычаи. В горах оставались развалины христианских храмов, напоминавших о былой вере предков.

В послереволюционные годы кто только не зарился на эту землю! Здесь были войска Турции, со своим отрядом высаживался один из немецких генералов. Затем пришли англичане. Недолго продержалась и власть грузинских меньшевиков. В июле 1921 года в Аджарии установилась Советская власть.

Батуми и его окрестности явились последним прибежищем для тех, кто в страхе уходил от наступавшей Красной Армии. Много осело здесь всякого темного люда, по разным причинам не успевшего или не сумевшего убежать за границу. Кого только не находили чекисты в Батуми и его пригороде!

„ВРАЧ“ С КОНЦЕССИИ ЛЕНА - ГОЛЬДФИЛДС

Еще в поезде, когда я ехал из Москвы в Батуми, в моем представлении образ чекиста-пограничника рисовался этаким суровым великаном в костюме из черной кожи, с матросской бескозыркой на голове, на ленточке которой можно было прочесть название военного корабля старого царского флота. Боевые ремни крест-накрест и маузер в деревянной колодке на длинном ремне через плечо дополняли вид чекиста. Однако мой начальник Константин Осипов ничем не был похож на такого лихого воина. Физически слабый, болезненный, он не носил ни кожаного костюма, ни оружия на виду. Худое, бледное лицо оживляли пронзительные, с лихорадочным блеском, серые глаза, внимательно смотревшие на людей. У Осипова был иронический склад ума. Он не упускал случая ехидно пошутить, но умел держать себя в определенных рамках: его ирония всегда была меткой, выраженной к месту, незлобной, и товарищи на него не обижались.

Большинство из нас, молодых людей, предпочитали носить военную форму, широкие пояса и портупеи, оружие в кобурах. Осипов же всегда был одет в хоро-

шо сшитый штатский костюм, носил светлые рубашки и красиво повязанные галстуки. Он следил за своими руками, тщательно чистил ногти маленькими ножницами, которые всегда были при нем; ко всему он прикасался осторожно, как бы щупая, даже бумаги брал двумя пальцами, как если бы опасался запачкаться. В верхнем карманчике брюк он носил неуклюжие на вид старые часы-луковицу на толстой серебряной цепочке с ключиком для завода. С этой семейной реликвией, доставшейся ему от отца, Осипов никогда не расставался. Нас всех веселила процедура завода этих, как мы говорили, допотопных часов, и мы, подшучивая каждый раз над ним, пытались отыгаться за всегдашнюю меткую остроту их хозяина в наш адрес. Но Осипов не смущался, продолжал осторожно, не спеша заводить свою «луковицу», на циферблате которой стояло название старой, широкоизвестной часовой фирмы «Павел Бурэ».

Нельзя сказать, чтобы Костя Осипов был уж очень общительным человеком, хотя по характеру работы большую часть времени ему приходилось проводить в нашем коллективе. Немногие свободные часы он посвящал семье — молодой жене и маленькой дочери. Он не участвовал в наших веселых рыбалках на прудах в запретной зоне между брустверами береговых батарей и берегом моря. На товарищеских вечеринках, когда нельзя было от них отказаться, он ничего не пил и совсем мало ел, а выслушав в свой адрес обычный за кавказским столом хвалебный тост, с насмешливым видом приподнимал свой бокал. И все же, несмотря на его кажущиеся странности и манеру шутить при каждом удобном случае, мы любили и уважали его.

Итак, первое время я побаивался Константина Осипова. Пожалуй, побаивался — это не то слово, чтобы определить мое отношение к нему. Вернее, я просто опасался его иронической манеры высказываться, его

едких замечаний и как будто бы ехидного выражения лица, которое про себя называл мефистофельским.

С первых дней пребывания в чекистском коллективе и среди пограничников я все больше обогащался впечатлениями от рассказов о стычках на границе; разные необычные истории разжигали мое нетерпение принять участие в схватках, в поимке диверсантов и т. п. При каждом удобном случае я говорил о романтике нашей службы и порой с удивлением замечал, что мои рассуждения на эту тему вызывали у товарищей не столько одобрение, сколько удивление. При этом я ловил на себе прищуренные глаза Осипова.

Но вот наступил день, когда Осипов, позвав меня в кабинет, сказал:

— Сегодня ночью ты можешь принять участие в весьма интересной, не скрою, опасной операции. — При этом он испытующе кольнул меня своей мефистофельской усмешкой. — Работник ты молодой, опыта у тебя еще нет. Ничего зазорного не будет, если ты и откажешься.

В его глазах я видел лукавые огоньки. Хитрец знал, чем воздействовать на меня. Ну нет! Отказываться я не собирался, а упоминание об опасности только подзадорило меня.

— А что за дело? Где?

Игнорируя мои вопросы, Осипов спросил:

— Ты еще не обедал?

— Нет...

— Тогда пообедай и отправляйся домой до вечера. Выпись хорошенько. Дело займет всю ночь, придется ползать по горам.

— Да, но...

— Без «но»! Иди спать!

— Я хотел спросить, во сколько мне явиться?

— У тебя что, свидание с девушкой? Иди спать!

В этот момент в комнату Осипова зашел зампред ГПУ Сергей Александрович.

— О чем речь? — спросил он.

— Вот доброволец на сегодняшнюю ночную операцию, — при этом Костя ткнул пальцем в мою сторону.

— Ну-ну, — неопределенно произнес зампред и тяжело опустился на диван.

У меня не возникало больше вопросов. К тому же присутствие зампреда смущало меня, и я вышел из комнаты.

Плотно пообедав, я отправился спать, как приказал Осипов. В то время я еще с несколькими товарищами жил в небольшой частной гостинице, в которой мы занимали пять или шесть номеров, реквизированных, к великому неудовольствию хозяина, скрепя сердце терпевшего нас — бесплатных постояльцев.

Придя к себе в номер, я разделся и забрался под одеяло на немного влажную постель, обычную при батумском климате. Дождь, не переставая, шел уже вторую неделю. Я закрыл глаза, чтобы уснуть, но сон не шел. Так лежал я с закрытыми глазами, гадая, кто еще из товарищей примет участие в предстоящем деле, в чем оно будет заключаться; Осипов ни во что меня не посвятил. Это было в его манере.

Потом мои мысли перескочили на недавнее прошлое. К нему я не раз возвращался теперь, оно оставалось жить в моем сознании во всех подробностях. В двадцать три года резкие повороты в жизни совершаются быстро, без долгих раздумий и колебаний, особенно если за ними открываются романтические дали. Так произошло и со мной весной этого года. Нас, группу молодых коммунистов, работавших на московских предприятиях, вызвали в Сокольнический райком партии и предложили перейти на службу в Объединенное государственное политическое управление — ОГПУ. Не колеб-

лясь, все мы с радостью приняли это предложение. Я был полон сил, здоров, жизнерадостен.

Я вспомнил свою маленькую, узкую комнату в Москве, предназначавшуюся для прислуги и находившуюся рядом с кухней в большой, некогда барской квартире, населенной теперь множеством жильцов. В моей жизни это была первая отдельная комната. До этого, года полтора, я жил в пустом, заброшенном магазине. Свою единственную мебель — рваную парусиновую раскладушку я перетащил на антресоли, так как по ночам из подвала вылезали крысы и начинали возню. Я был безмерно доволен своей отдельной комнатой, всегда наполненной запахами щей. С кухни до меня доносились голоса многочисленных домохозяек, то судачивших, то переругивавшихся между собой.

Сон не шел. Я поднялся. Чтобы как-то убить время, стал чистить маузер, прилаживал его к колодке-прикладу, брал наизготовку и целился в трубу дома на противоположной стороне улицы. Может, прихватить с собой еще и карабин? Об этом надо было спрашивать у Осипова, на что я решиться не мог. Посмотрим, как будут вооружены другие участники нашей группы. Так раздумывая, сидел я у окна, глядя на улицу с редкими прохожими, спешившими под непрекращавшимся дождем. Время тянулось медленно.

В шесть часов вечера, не вытерпев, я отправился в столовую. Нужно было подкрепиться перед походом в горы. Плотнo поужинав, выкурив несколько папирос, отправился к Осипову. На мне был военный плащ, опоясанный широким ремнем с портупеей, и маузер в колодке.

Костя, ухмыльнувшись, осмотрел меня.

— Поужинал?

— Да.

— Пойди погуляй еще часов до восьми.

Какое же гуляние под дождем? Я направился в

свою рабочую комнату, снял плащ, пояс и маузер, сел на диван и незаметно для себя заснул.

Разбудил меня Осипов, основательно встряхнув за плечо.

— Ну и горазд же ты спать. Что, днем не выспался?

К моему удивлению, на нем был обычный штатский костюм и пальто-плащ. Мы отправились в гараж, где нас ожидали другие участники ночного похода. Их оказалось двое: оперативный шофер Николай, крепкий, собранный человек, всегда бодрый и веселый, в запасе у которого на все случаи имелось много остроумных и веселых прибауток, и аджарец Али. Этот Али, житель одного из горных селений, еще недавно примыкал к банде контрабандистов, оперировавших в горах. Он был втянут в нее не то в силу каких-то родственных связей, не то из желания заработать на контрабанде. Теперь он сам толком не мог объяснить, что толкнуло его пойти на конфликт с Советской властью, которая не только не притеснила его, крестьянина, но всячески помогала ему. Призрачная выгода контрабандистского промысла неоправданно усложняла его жизнь: риск встречи с пограничниками, весьма возможная перспектива быть убитым в вооруженном столкновении или арестованным, осужденным и высланным из родного Аджаристана — все это он быстро понял. В последнем случае он мог быть на годы оторванным от семьи, а у него были жена и двое маленьких детей, с которыми встречался редко; ему, находясь в банде, приходилось тайно пробираться к родному дому в темные ненастные ночи. Волчья жизнь в горах, особенно зимой, ему стала в тягость.

Такие люди, как Али, были на учете в ГПУ, и тем из них, кто еще не совершил тяжких преступлений, обещалось прощение. Таким прощенным был и Али. Теперь он состоял в отряде добровольцев, помогавших

органам бороться с бандитами и контрабандистами. Али было не более двадцати пяти лет. В своем национальном аджарском костюме он выглядел очень живописно: короткая двубортная куртка с газырями, штаны, узкие внизу и широкие в бедрах, с большой мотней сзади, позволявшей свободно сидеть, поджав ноги. Этот не очень искусно сшитый деревенским портным костюм был из дорогого английского коверкота. На голове у Али был неизменный для аджарца башлык, намотанный на манер чалмы, с двумя концами, свободно свисавшими на плечи. Удобная для ходьбы по горам обувь: чусты из сыромятной кожи и высокие, грубо связанные, шерстяные носки. Вооружен он был любимым оружием горцев — длинноствольным пистолетом маузер, висевшим в мягкой кобуре на тонком кавказском поясе с серебряным набором. В наступившем вечернем сумраке я не мог рассмотреть его лица и только видел блестящие глаза, сверкавшие под низко намотанным башлыком.

Итак, мы были готовы к отъезду. Но я все еще ничего не знал о деле, на которое отправлялся, и выжидательно смотрел на Осипова. Он понял меня и, отведя в глубину темного гаража, коротко изложил суть предстоящей операции.

Из Центра получено сообщение, что при ликвидации шпионской организации, свившей гнездо на недавно аннулированной английской золотодобывающей концессии Лена — Гольдфилдс в Сибири, бежал один из агентов английской резидентуры и, по имевшимся сведениям, скрывается в районе Батуми, готовясь к переходу в Турцию. Это было все, что нашел нужным сказать мне Осипов. Откуда ему было известно вероятное место нахождения шпиона, Костя не счел нужным объяснять.

Я был преисполнен гордостью: мне повезло! Предстояло задержать английского шпиона, а не какого-

либо паршивого контрабандиста с дамскими шелковыми чулками, английским коверкотом и французскими духами «Коти». Я полностью доверял Осипову и не обижался за краткость его информации: уж если он ненастной ночью направляется куда-то в горы, то, конечно, знает, где можно найти этого шпиона!

Мы уселись в приготовленный Николаем старенький «газик»: Осипов со мной на заднем сиденье, Али рядом с Николаем на переднем. Мелкий батумский дождь шел не переставая, он был таким частым, что тускло горевшие уличные фонари, казалось, светили через мутное стекло. Теплый воздух, как всегда, источал запах магнолий. Мы выехали за город и помчались по приморскому шоссе. На море бушевал шторм. Сильные порывы ветра несли косые струи дождя, и ветхий брезентовый верх автомобиля мало защищал нас. Николай выжимал максимум возможного из своей «козы», как он нежно называл «газик», чтобы быстрее миновать приморский участок шоссе. Осипов сутулился больше обыкновенного, надвинув кепку глубоко на лоб, почти спрятал лицо в поднятый воротник пальто.

У Чаквы мы свернули с шоссе направо, на порядком избитый арбами проселок. Теперь наш путь лежал в горы. По мере того как мы поднимались, дорога для нашей маломощной машины становилась все трудней. Слабенький мотор натужно гудел. Мы въезжали в лес, тесно обступавший узкую дорогу. Так мы проехали еще километра три.

Пошептавшись с Али, Николай остановил автомобиль. Дальше предстояло идти пешком. Мы оставили свою «козу» на лесной дороге и пошли за Али по горной тропе, довольно круто поднимавшейся по склону, заросшему лесом, с густым подлеском из барбарисовых кустов. Бархатный мрак обступил нас. И только спустя некоторое время, когда глаза привыкли к темноте, мы стали различать черные тени деревьев вокруг и темно-

серое небо меж их вершинами. Али уверенно вел нас. Его зоркие глаза горца видели все вокруг.

За ним шел я, за мной Осипов и замыкающим был Николай. Дождь мерно, даже приятно шумел, журчали невидимые горные ручьи и ключи, шорох наших шагов тонул в этих лесных звуках. Ветер бушевал где-то в верхушках деревьев, а внизу было тихо и тепло. Тропа превратилась в узкую тропинку, почти скрытую под тесно соприкасавшимися кустами, пропитанными водой. Вскоре мы промокли до нитки. Мои щегольские сапоги и ботинки Осипова размокли, мы скользили и падали на глинистой земле и круглых камнях. Николай помогал Осипову подняться и ругал на все лады шпиона, которого нам еще предстояло найти и задержать. Али продолжал все так же уверенно идти, видимо нащупывая своей замечательно удобной горной обувью невидимую тропинку. Я мог только позавидовать ему и Николаю, обутому точно так же, как Али. На Али была великолепная мохнатая кавказская бурка, не пропускавшая воды, а на Николае — кожаная тужурка. Труднее всего было Косте Осипову, самому слабому из нас да к тому же не очень здоровому, болевшему, как оказалось, тропической малярией.

Хотя идти было трудно, я не испытывал особой усталости, а желание найти шпиона, сумевшего из Сибири добраться до границы и скрыться в нескольких километрах от нее, разжигало мое нетерпение, усиливало мой азарт. «Не ушел ли уже шпион в Турцию?» — мелькнула у меня мысль, но высказать ее Осипову я опасался.

Ни зги не видно. Мы все шагаем, вернее, карабкаемся чуть ли не на четвереньках, в гору — к ее невидимой вершине. Где-то там, очевидно, скрывался проклятый шпион. Куда приведет нас таинственная тропинка?

Совсем неожиданно мы вышли к вершине, на не-

большую, расчищенную от леса поляну. Штормовой ветер метался над ней, неся косые струи дождя. Чувствовался слабый запах дыма, то появлявшийся откуда-то, то исчезающий. На фоне темно-серого неба мы увидели небольшую хижину, типичный аджарский дом на высоких сваях, со стенами в одну доску, небольшой верандой, на которую вела жидкая лестница. Не было видно ни огня, не доносилось никаких звуков.

С оружием наготове мы приблизились к дому. Под ним хрипло залаял привязанный там пес, и тут же ему отозвалась коза. Но сам дом оставался безмолвным. Никто не вышел на веранду, не зажег света внутри.

Осипов приказал Николаю и Али стать по углам дома, чтобы никто не мог незаметно бежать через окно в задней стене. Затем с неожиданной для меня ловкостью он взбежал по лесенке на террасу. Я поспешил за ним. Оба мы оказались перед запертой изнутри дощатой дверью. На мгновение осветив ее электрическим фонарем, мой начальник ринулся вперед и, вышибив дверь плечом, оказался внутри дома. В такие моменты мысли работают удивительно быстро. Проникнув первым в эту таинственную хижину, Осипов сознательно подставлял себя под возможный выстрел в упор. Эта мысль мелькнула в моей голове. Восхищенный его смелостью, я не счел возможным прятаться за его спину, оттолкнул его в сторону и выстрелил, никого не видя перед собой.

— Не стреляй! — с досадой крикнул Осипов.

Одновременно мы включили свои фонари и, обшарив лучами помещение, обнаружили двух человек. Один из них, хозяин хижины, аджарец, стоял в дальнем углу с поднятыми руками, второй лежал на деревянном топчане, укрытый с головой пальто. Посреди комнаты стоял грубо сколоченный стол и возле него две табу-

ретки, немного поодаль — маленькая железная печка, в ней светились красные угольки.

Увидев на столе керосиновую лампу, Осипов приказал хозяину засветить ее, что тот поспешно сделал, а затем опять отступил в угол и поднял руки.

— На стол оружие! — приказал Осипов.

Откуда-то из бесчисленных складок своих широких штанов аджарец извлек парабеллум и, положив его на стол, вновь отступил с поднятыми руками.

— Опусть руки! — раздраженно сказал Осипов. — Где клинок? — и он указал на пустые ножны кинжала, висевшие на поясе хозяина.

Тот молча указал на пол: возле печки, среди щепок, лежал обоюдоострый кавказский кинжал.

— Зови ребят, — приказал Осипов.

Выйдя на террасу, я позвал обоих. Пес продолжал неистово лаять. Али полез под дом, и оттуда тотчас донесся визг побитой собаки. Али отвязал ее и выпустил на волю.

— Кто это? — спросил Осипов, указывая на лежавшего на топчане человека.

Хозяин сделал неопределенный жест руками, не произнеся в ответ ни слова. При этом он шагнул к столу.

— Ладно, стань в сторонку и не мешай, — приказал ему Осипов, бросив настороженный взгляд на стол, на котором лежал пистолет аджарца. Николай тотчас же взял его, засунул себе за пояс.

— Прибавь света в лампе!

Я вывернул фитиль, но от этого через закопченное стекло света не прибавилось. Мы занялись осмотром хижины. Неизвестный человек продолжал лежать на топчане, будто все происходившее не имело к нему никакого отношения. Он даже не повернулся от стены, не освободил головы, укрытой пальто. В его позе не было заметно напряженности или настороженности, ничего, что выдавало бы его беспокойство. Мы быстро пере-

тряхнули немногочисленные вещи, осмотрели содержимое небольшого седельного мешка, в котором нашли пару грубошерстных носков и овечий пузырь с кукурузной мукой, смешанной с бараньим салом, — обычная пища горцев на длинных переходах. Ничего подозрительного в этой убогой хижине не было. Когда закончили обыск, Осипов обратился к лежавшему на топчане:

— Уже выпались! Вставайте!

Неизвестный не заставил повторить приглашение. Не спеша сбросив пальто, сел, свесив ноги с топчана.

— Здравствуйте, — без тени смущения произнес он.

— Здравствуйте, — в тон ему ответил Осипов. — Выкладывайте, что там у вас имеется.

— Кроме этого дорожного несессера, у меня больше ничего нет. Здесь бритва, зубная щетка, мыло. Вот, возьмите, — и он протянул небольшой футляр из коричневой кожи.

— Однако налегке вы направлялись в заграничную поездку...

— Как видите, налегке. Не тащить же с собой чемоданы. — Незнакомец был спокоен.

— Резонно. А документы, деньги, золото у вас имеются?

— Документы и деньги я должен получить там, перейдя границу. Все советские деньги я отдал ему, — при этом он кивнул в сторону хозяина хижины. — Золота нет.

Я поверил всему сказанному этим человеком и был разочарован не столько тем, что ничего при нем путевого, подтверждающего его шпионскую деятельность мы не обнаружили, сколько тем, что задержание прошло спокойно, без попытки к бегству, без сопротивления. Скудная обыденность! А человек оказался именно тем, кого мы искали!

— Значит, ничего нет? Что ж, так и запишем. —

И Осипов подсел к столу, чтобы заполнить протокол обыска, бланк которого он достал из кармана. Он взял ручку, нагнулся над листом бумаги, но не написал ни слова, даже не спросил имени у задержанного, поднялся и заявил, что протокол будет написан в комендатуре ГПУ после личного обыска арестованного. — А пока отправимся в обратный путь, — проговорил он, обращаясь ко всем и как будто бы ни к кому, решительно шагнул к двери. Но у порога остановился, повернулся к арестованному: — Кроме несессера, у вас ничего с собой не было?

— Вы в этом могли убедиться, — развел руками странный человек.

— Ну, раз нет, так нет! Пошли! — строгим тоном проговорил Осипов, перешагивая порог. И опять неожиданно остановился: я едва не налетел на него. Раздался его мефистофельский смехок: — А что, если мы посмотрим в одном местечке?

— Смотрите. — Арестованный медленно надевал пальто.

Вернувшись к столу, Костя сел на табурет, запустил руку под доску и, как фокусник, вытащил оттуда двойной мешочек из оленьей замши, наполненный золотыми самородками. Их было в обоих отделениях мешочка килограмма два. Заслышав наше приближение, беглец успел воткнуть под доску стола небольшой перочинный нож, подвесив на нем мешочки с золотом.

Задержанный по-прежнему оставался невозмутимым, не проявлял ни растерянности, ни досады или волнения. Я был поражен этой сценой, мастерски разыгранной Осиповым. Мой начальник, производя обыск в хижине, обнаружил так просто и вместе с тем так хитро спрятанное золото!

— Быть может, это не ваше золото? — засмеялся Осипов.

— Мое...

— Вы собирались кому-нибудь его оставить или надеялись сюда вернуться?

— Нет, не надеялся. Не хотел, чтобы оно досталось вам.

— Можно рассчитывать на вашу откровенность в дальнейших разговорах?

— Возможно...

С нескрываемым удивлением я слушал диалог.

— Будем считать обыск законченным, с чистой совестью отправимся домой, — заключил Осипов и, повернувшись к стоявшему в углу хозяину хижины, добавил: — Завтра явишься в ГПУ!

— Ки, батоно *.

— А он не сбежит? — шепотом спросил я.

— Нет, — уверенно мотнул головой Осипов. — В машине все равно нет места, можешь посадить его к себе на колени.

Это было обыкновенное ехидство: на лице Кости Осипова отчетливо вырисовывалась усталость, он провел рукой по лбу: у него начинался приступ малярии.

Мы вышли из хижины. Дождь продолжал идти, мелкий и частый. Было далеко за полночь. Опять, скользя и падая, мы спускались к оставленному внизу автомобилю. Арестованного посадили на заднем сиденье, а сами сели с двух сторон.

Николай гнал машину вовсю. На разбитом проселке нас бросало друг на друга, и мы даже сталкивались головами. Наконец выехали на шоссе и, разбрызгивая лужи, помчались к Батуми.

Осипов чихал и кашлял, все время хватаясь за голову и кутаясь в свое жиденькое пальто.

— Вы простужены. У вас не в порядке легкие, — вдруг сказал арестованный.

— С чего это вы взяли?

---

* Да, господин (груз.).

- Я врач.
- Вы врач?
- Да, это моя основная профессия.
- А шпионаж занятие дополнительное?
- Это еще надо доказать...

— Докажем, — спокойно проговорил Осипов, разбирая содержимое несессера, отобранного у арестованного. Наше внимание привлекли два граненых флакона с металлическими пробками, наполненные какой-то желтоватой жидкостью. Осипов отвернул пробку на одном из них и понюхал, сморщив нос. — Я думал, это одеколон. Что тут?

— Лекарство.

Осипов достал из кармана пальто кулек с бутербродом, заботливо приготовленный ему женой, знавшей, что мужа не будет всю ночь. Намереваясь разломать бутерброд, он равнодушным тоном осведомился:

- От каких болезней лекарство?
- От проказы.
- От проказы? А зачем оно вам?

— До поступления на службу в концессию я служил врачом в лепрозории. Есть изолированные колонии для больных этой неизлечимой и очень заразной болезнью.

— Ну, ну, знаю. Так что же?

— Я был, видимо, недостаточно осторожен в общении с ними и сам заболел проказой. Как врач искал разные средства. — Арестованный показал на флаконы.

— Излечивает лекарство проказу? — серьезно прищурился Осипов.

— О нет! До этого далеко. Я экспериментировал, вез это с собой в надежде продолжить опыты за границей, заинтересовать врачей.

Осипова это передернуло: он был мнительным.

— Вы больны проказой? — он невольно отодвинулся от арестованного.

— Увы, — печально проговорил тот.

Мы подъезжали к окраинам Батуми.

— Останови! — приказал Осипов и, сунув бутерброд в руки врача, не открывая дверцы, выпрыгнул через борт на шоссе. — Поезжайте. Скажи коменданту, чтобы арестованного посадили в изолятор. Я скоро буду.

Арестованный пожал в недоумении плечами, разломал бутерброд на две части и одну протянул мне. Машинально я взял. Николай, слышавший весь разговор, нажал на акселератор, и мы понеслись, обдавая брызгами уже появившихся на улице прохожих. У меня возникло желание бежать от проклятого прокаженного.

В наступившем белесом рассвете мы остановились у комендатуры и, сдав арестованного, отправились в гарнизонную баню. Наш четвертый спутник, отрядчик Али, судя по всему, отправился с нами за компанию из солидарности; у дверей бани мы встретили Осипова.

Парились мы на самой верхней полке парной чуть ли не до потери сознания, терли друг друга жесткой рукавицей, рискуя содрать на спине кожу. Вконец измученные самоистязанием, к десяти часам добрались до ГПУ.

Молча я вошел в кабинет Осипова, что-то быстро писавшего и мельком глянувшего на меня. Бросив ручку, он вложил исписанный листок в конверт. Это была записка начальнику военного госпиталя: Осипов просил прислать врачей для обследования больного проказой. Затем он вызвал Николая и, передавая ему конверт, наказал — без врачей не возвращаться! После минутного раздумья позвонил зампреду, коротко доложил о ночной операции, об арестованном, о вызове врачей.

Жестокая банная процедура, которой мы подвергли себя, не улучшила нашего настроения: а вдруг мы все заразились от шпиона? Мы угрюмо поглядывали друг на друга.

Что я знал о проказе? Неизлечимая, страшная болезнь, медленно разрушающая человеческое тело. Прокаженный опасен для окружающих, его насильно помещают в лепрозорий, отгороженный от всего мира. Там заболевший проводит годы, может быть, долгие годы до самой смерти: ведь болезнь неизлечима...

В двадцать три года от таких мыслей меня бросало в дрожь. До сих пор каждый день приносил радость, впереди нас, молодых, ждали подвиги, которые хотелось совершить... И вдруг в один миг все рушилось, угасал яркий свет, надвигалась беспросветная ночь, подобная последней, когда мы карабкались по горной тропе к вершине, где скрывался проклятый беглец из Сибири.

Ждать приезда врачей было не в состоянии. Я стоял у окна. Через полчаса к подъезду подкатил автомобиль, из которого вышли три врача в каких-то странных белых балахонах, наглухо застегнутых у самого горла. Прежде чем войти в комендатуру, они надели на головы капюшоны с прорезями для глаз, закрывавшими лицо. Шофер Николай держался сзади них.

Я сказал Осипову о приезде врачей. Он тотчас позвонил в комендатуру, приказав провести прибывших в изолятор к арестованному.

Шли минуты, казавшиеся нам часами. Нетерпение возрастало; мы хотели знать, болен ли шпион. Мы с Осиповым уже не могли сидеть на стульях, метались по комнате из угла в угол.

Звонок из комендатуры подействовал как электрический разряд, и мы оба застыли на месте, не будучи в состоянии сразу же подойти к телефонному аппарату. Наконец Осипов справился с оцепенением и схватил трубку.

— Проведите врачей ко мне, — коротко распорядился он и, сделав над собой усилие, сел за письмен-

ный стол. — Перестань метаться, — раздраженно бросил он мне.

Я уселся на диван, не спуская глаз с двери.

Прошло еще несколько томительных минут, и в кабинет вошел начальник госпиталя в сопровождении двух врачей. Я посмотрел на их серьезные лица. В руках каждый из них держал свои туго свернутые одеяния, в которых они приехали, и теперь они были в обычной военной форме.

Начальник госпиталя стал подробно рассказывать о том, как был осмотрен арестованный, как тщательно они его обследовали. В своих объяснениях он употреблял непонятные нам медицинские выражения. Но мы ждали окончательного заключения, и, не вытерпев, Осипов спросил:

— Болен ли этот человек проказой?

— Никаких признаков проказы или другого кожного заболевания не обнаружили, — проговорил начальник госпиталя и после небольшой паузы улыбнулся: — Арестованный признался нам, что свою болезнь выдумал в отместку вам.

Больше Осипов ничего не хотел слушать. Он поднялся, протянул руку врачам.

— Мы очень благодарны вам. Прошу сегодня же дать нам письменное заключение. Извините за беспокойство.

После ухода врачей Осипов еще некоторое время весело смотрел на меня:

— Вот же мерзавец, придумал проказу...

Проговорив это, он позвонил в комендатуру, чтобы привели арестованного.

— Для чего же вы придумали проказу? — начал Осипов, когда обманщика ввели в кабинет.

— Вы, найдя спрятанное мною золото, тоже меня разыграли. Я все потерял, но пользуюсь тем, что еще имею, — произнес шпион с нескрываемой горечью.

В глазах Осипова опять, как обычно, засветилась веселая ирония. Мрачные мысли улетучились, мне тоже дышалось легко. На улице продолжал идти дождь, а казалось, что там светит яркое солнце.

В тот же день в Центр было послано сообщение о задержании шпиона, и оттуда последовало распоряжение о немедленной отправке его под надежным конвоем в Москву.

На всю жизнь запомнилась мне эта первая встреча с врагом.

КОРОТКАЯ ПРОГУЛКА

В тот день, как обычно, я пришел пообедать в нашу столовую. За одним из столов сидел Арчил Брегвадзе, оперуполномоченный пограничного отряда. С ним у меня по приезде в Батуми установились приятельские отношения. Арчил был года на три старше меня, но уже пять лет служил в пограничных войсках, накопил боевой опыт службы на границе, участвовал во многих стычках с вооруженными бандитами, переходившими на нашу территорию из сопредельной страны. О нем шла молва как о храбром пограничнике. О своих боевых делах он рассказывал в юмористических тонах, как о веселых приключениях, себя он выставлял в комичном свете, и получалось, что ничего опасного с ним никогда не происходило, что он никогда не подвергался никакому риску.

Высокий, стройный, в ладно пригнанной военной форме, перетянутый ремнями, с пистолетом в аккуратной кобуре, в щегольских сапогах, какие так мастерски шили батумские сапожники, Арчил имел весьма живописный вид. У него были правильные черты лица, орлиный нос, аккуратные усики, под которыми поблес-

кивала жемчужная полоска ослепительно белых ровных зубов. Глаза Арчила искрились весельем, озорством и отвагой. Добродушие и доброжелательство в отношении с товарищами располагало к нему с первой же встречи. Вероятно, были у него, как и у всех нас, какие-то и отрицательные черты, но я их не замечал.

Увидев меня, Арчил пригласил к своему столу.

— Как она?.. — произнес он, улыбаясь и делая паузу, а заметив вопрос в моих глазах — кого он имел в виду под словом «она», — рассмеялся и добавил: — Жизнь, кацо *, жизнь!

Это его обычный маленький розыгрыш, и, смеясь, я ответил:

— Она — нормально!

— Нормально, хо? ** Тогда бери плов, очень замечательный сегодня плов, — порекомендовал он.

Когда я доедал действительно очень вкусный плов, Арчил спросил:

— Не хочешь ли совершить совсем короткую прогулку? Есть маленькое дело.

Проглотив последнюю ложку плова, я спросил:

— Что за дело? Где?

— Здесь, на окраине Батуми. Надо накрыть одного контрабандиста. Правда, сам он контрабанду через границу не носит, но принимает ее и сбывает. Пойдешь? Совсем недалеко.

Предложение меня не прельщало, но отказываться я не хотел, опасаясь, что тогда на интересное дело он меня не пригласит.

— Согласен! Когда?

— Вот допьем пиво и пойдем.

Выйдя из столовой, мы зашли в погранотряд, взяли с собой солдата, вооруженного автоматом «Томпсон».

---

* Кацо — человек, парень (*груз.*).

** Хо — хорошо, да (*груз.*).

Тогда такое оружие начинало поступать на вооружение в пограничные войска. Пешком мы отправились на южную окраину Батуми.

В те годы окраины Батуми мало чем отличались от деревни: простые крестьянские дома, отделенные друг от друга небольшими фруктовыми садами, а позади каждого дома — участки, засеянные кукурузой.

Мы подошли к самому крайнему дому. Позади него кукурузное поле упиралось в круто поднимавшийся склон холма, а дальше, за ручьем, начинался уже горный склон, поросший густым кустарником и невысокими деревьями.

От дороги до дома оставалось пройти шагов сто по плохо ухоженному фруктовому саду. Обычный аджарский крестьянский дом в два этажа. Внизу — помещение для мелкого скота и хранения урожая, вверх — единственная жилая комната с небольшой террасой, на которую с земли вела шаткая лестница.

Мы поднялись в жилую комнату, оставив солдата с автоматом внизу, у дома. Предъявив хозяину ордер, приступили к обыску. В комнате была одна старая деревянная кровать, стол, три табуретки и разный хлам, разбросанный в беспорядке. Ни шкафа, ни сундука не было в убогом жилище, и мы не обнаружили никакой контрабанды. С разочарованием я посмотрел на Арчила и на его лице не прочел досады.

— Теперь посмотрим внизу, — сказал он и, сунув мне в руки небольшую керосиновую лампу, приказал: — Зажги, будешь светить.

В нижнее помещение свет проникал только через открытую дверь. В закутке, отгороженном невысокой оградой, возилась свинья. В другом конце помещения на длинной веревке была привязана дойная коза, столь обычное животное аджарских домов. При нашем появлении она жалобно заблеяла, заматалась и все время путалась под ногами. Нижнее помещение не было при-

ятым местом: воздух в нем был спертым. Заднюю стену занимал большой деревянный ларь с необмолоченными кукурузными початками недавно снятого урожая. Этот ларь сразу же привлек внимание Арчила. Взяв деревянную лопату, он стал энергично выгребать початки на пол. Освободив наполовину ларь и запустив в оставшееся содержимое руки, он извлек оттуда два мешка с английским коверкотом и мешок с дамскими шелковыми чулками.

Вытирая с лица обильно струившийся пот, Арчил приказал хозяину и солдату поднять контрабанду наверх, чтобы там, на свету, составить протокол обыска и опись найденной контрабанды.

Уходя последним, я решил еще раз оглядеть полутемное нижнее помещение. Прибавив света в лампе, я высоко поднял ее над головой. В правой стене, в самом темном углу, оказалась дощатая дверь, за которой был не обнаруженный нами ранее чулан. Старинная деревянная соха с короткой оглоблей и двойным ярмом для упряжки волов, прислоненная к двери чулана, почти закрывала ее. Отбросив соху, я взялся за железную задвижку двери, намереваясь открыть ее и заглянуть внутрь. В этот момент кто-то с силой толкнул дверь изнутри. Толчок был настолько сильным и неожиданным, что я не устоял на ногах и через лежавшую позади меня соху кувырком полетел на землю. Лампа разбилась и потухла. В полутьме я заметил человека, стремительно выскочившего из чулана и выбежавшего наружу. Я намеревался броситься за ним, но испуганная шумом коза метнулась мне под ноги. Споткнувшись о нее, я опять оказался на земле. Когда же выбрался во двор, там уже никого не было. Я обежал дом, оставившись на участке кукурузы; по колебанию высоких густых сухих стеблей можно было определить, что беглец устремился к склону холма; перевалив через него, он мог уйти в горы.

— Стой! Стрелять буду! — крикнул я и, выстрелив в воздух, бросился в кукурузу.

За спиной я услышал топот ног Арчила и солдата, поспешно спускавшихся по лестнице, их голоса, но, не разбирая, что они кричали мне, продолжал пробираться среди густых кукурузных стеблей.

— Стой! — еще раз крикнул я и на этот раз выстрелил в сторону убежавшего, хотя и не видел его. В ответ из кукурузы раздался гулкий выстрел из крупнокалиберного пистолета. Пуля сшибла несколько листьев в стороне от меня.

Убегавший был вооружен. Такого нужно было во что бы то ни стало задержать. Забыв о предосторожности, я бросился вперед, как гончая за зайцем.

Преодолев кукурузный участок, увидел метрах в пятидесяти впереди себя человека, быстро поднимавшегося по склону холма. Вот он уже достиг гребня, перевалил через него и скрылся из виду. Я был уверен, что беглец быстро спускается по обратному склону холма, чтобы перейти за ним ручей, углубиться в густо заросший горный склон.

Все это промелькнуло в моем мозгу, и я, не думая об опасности, начал взбираться вверх.

У самого гребня я поскользнулся о гладкий камень и упал, только моя фуражка на мгновение показалась над гребнем. Бандит выстрелил, и пуля впилась, вернее, скользнула по краю гребня в стороне, в нескольких сантиметрах от моей головы, обдав меня фонтанчиком сухой земли. Оказывается, бандит залег в нескольких шагах от гребня, ожидая появления моей головы над ним. Взбегая по склону, он запыхался и не мог ни бежать, ни точно прицелиться.

Выстрел остудил мой пыл, заставив трезво оценить обстановку, я залег. Отполз на несколько метров в сторону, намереваясь резко вскочить и сразу стрелять в бандита из своего маузера. Я был уже готов вы-

полнить свое намерение, когда услышал за гребнем, по ту сторону холма, голос Арчила, а за ним короткую очередь «томпсона». Когда они успели обежать холм и оказаться в тылу у бандита?

Уже ничего не опасаясь, я выскочил из-за гребня. В пяти шагах спиной ко мне, с поднятыми руками стоял беглец. Он все еще держал в руке парабеллум. Внизу, у ручья, Арчил и солдат-пограничник направляли на него свое оружие. Подбежав сзади, я выбил пистолет из рук бандита, сильной подножкой повалил его на землю. Подоспевший Арчил повернул его лицом вниз, вывернул назад руки и надел на них наручники. Мы вывели задержанного на дорогу и, остановив проезжавший грузовик, сели в него, приказали везти нас в комендатуру.

Когда мы поднялись в служебную комнату, Арчил укоризненно смотрел на меня:

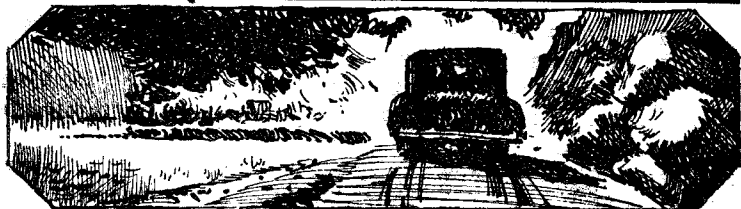
— Не знаешь ты, кацо, их повадок. Очень хитрые, коварные люди!.. Вот посмотри, какое у него оружие.

Он вынул обойму из парабеллума и показал мне патрон с тупой пулей. Ее кончик был срезан, и от него внутрь шел канал.

— Смотри, — продолжал Арчил, — это пуля «дум-дум», то есть разрывная. Когда она попадает во что-нибудь, то разворачивается цветком в теле и никогда не дает ранений навывлет.

— Совсем короткая прогулка, — невесело пошутил я, вспомнив слова, которыми Арчил Брегвадзе приглашал меня на эту «маленькую» операцию.

ДИВЕРСИЯ

В тот погожий воскресный день конца осени 1927 года было тепло. С безоблачного неба ярко светило солнце, озаряя береговой изгиб Батумского залива, окаймленного горами, покрытыми лесом. Далекие снежные вершины Главного Кавказского хребта казались висевшими в голубой небесной дали. Едва ощутимый морской бриз рябил водную гладь.

Сегодня была наша очередь, чекистов Аджаристана, разгрузить за воскресник прибывший в порт пароход с мукой, и мы все пришли на пристань.

Пятьдесят лет назад в Батумском порту имелось лишь несколько нефтеналивных причалов, у которых швартовались иностранные танкеры. Редкие же сухогрузные суда пользовались для разгрузки единственной пассажирской пристанью, не имевшей ни кранов, ни каких-либо других приспособлений и механизмов, кроме судовых грузовых стрел с паровыми лебедками. При помощи таких примитивных лебедок грузы извлекались из трюмов и складывались на узкой деревянной пристани. Дальше мешки и ящики грузчики перетаскивали в пор-

товый пакгауз. Нам предстояло перенести на своих спинах несколько сот пятипудовых мешков с мукой.

Помощник капитана парохода разделил нас на четыре группы. Мы принялись за работу и вскоре с головы до ног были уже покрыты мучной пылью. С восьми утра до пяти часов пополудни мы разгрузили свой уж не очень большой пароход и прокричали «ура!», когда последний мешок был отнесен в пакгауз и уложен в штабель.

С непривычки ломило спину, все порядком устали, но никто не признавался, только подсмеивались друг над другом. Закончив работу, отправились в гарнизонную баню, а оттуда в столовую, где нас ждал заранее заказанный обед. Вопреки кавказскому обычаю быстро справились с едой и, вконец разморенные, пошли по домам спать.

Мгновенно раздевшись, я нырнул под одеяло и тотчас уснул. В начале третьего ночи меня разбудил настойчивый стук, я пружиной выскочил из теплой постели. Машинально выхватив пистолет из-под подушки, подпрыгнул к двери.

— Кто там? — еще полусонный, спросил я.

— Да открывай же, черт тебя возьми!..

Это был мой начальник Костя Осипов. Я впустил его в комнату.

— Одевайся и сойди вниз, к машине. Горит нефтеперегонный завод, — быстро проговорил он, тяжело дыша, наблюдая, как я впопыхах хватаю одежду.

— Как горит? — задал я нелепый вопрос, надевая сапог и прыгая на одной ноге.

— Огнем, — в своей обычной иронической манере ответил Костя и, шагнув за порог, добавил: — Диверсия!..

Словно жаром обдало меня это слово. Я заспешил, повторяя про себя: «Диверсия, диверсия». Наконец, натянув гимнастерку, схватил пояс с кобурой, вложил в

нее пистолет и, застегивая на ходу портупею, выбежал в коридор, слыша настойчивые сигналы ожидавшей меня на улице автомашины. Выскочив из двери дома, втиснулся кому-то из товарищей на колени в переполненную людьми машину.

Гостиница, в которой я жил с несколькими товарищами, находилась на небольшой, узкой улочке, выходившей на набережную. Наш оперативный шофер Николай по привычке рванул с места и через несколько секунд, совершив отчаянный поворот с заносом на девяносто градусов, на большой скорости повел машину по набережной.

Ночь была тихой и ясной. Усеянное звездами небо множеством огоньков отражалось в едва рябившей воде залива. А там, вдали, в конце большой дуги, полыхало пламя на территории нефтеперегонного завода. Огромная туча черного, густого дыма и копоти, низко вися над землей, прижатая к горам легким ночным бризом, медленно расплывалась.

Мы мчались, не отрывая взгляда от увеличивающегося зарева пожара. Проскочили базар, пустынный и тихий, за ним причалы нефтеналивного порта. Иностранные танкеры, стоявшие под наливом, отдавали швартовы, спеша отойти подальше от пожара на рейд.

Территория завода уже была оцеплена солдатами поднятого по тревоге горнострелкового полка, милицией и пограничниками. На помощь заводской пожарной команде прибывали городские части пожарных и добровольная команда молодежи.

Мы оставили свою машину у ворот завода в тот момент, когда в глубине заводской территории с грохотом взорвался еще один керосиновый бак-цистерна и диск его круглой крышки высоко взлетел в воздух среди пламени и дыма. Зрелище потрясло всех нас. Не скрою — стало страшно: пламя распространялось вширь. На большой площади горел вылившийся из ба-

ков керосин. Казалось, нет средств потушить это море огня. Пожарные в асбестовых костюмах, прикрываясь железными щитами, в отверстия которых были просунуты брандспойты, лезли чуть ли не в пекло. Огнетушители на автомобилях выплевывали струи пены, но, как мне казалось, ощутимых результатов это не давало: пламя не уменьшалось. Десятки сильных водяных струй из брандспойтов создали водяную стену между горевшими баками и негоревшими, стоявшими невдалеке от них. Усилия направлялись на предотвращение взрыва других баков.

Все наше и городское начальство находилось на пожаре. Председатель ГПУ приказал приступить к опросу ночной смены инженеров и рабочих. Мы расположились в здании заводоуправления, в комнатах, освещенных заревом пожара. Наше быстро проведенное расследование — опросы людей — мало что прояснило: пожар возник без каких-либо видимых причин, внезапно. Загорелись баки с керосином, готовым к перекачке в танкеры. Эти баки находились на границе заводской территории.

В зловещем шуме, издаваемом большим пламенем, среди непрерывных гудков паровозов, вытаскивавших с территории завода еще не разгруженные многочисленные цистерны с нефтью, допрашивать взволнованных людей было трудно, да и сами мы не были спокойны, не могли сосредоточиться.

Два взорвавшихся керосиновых бака стояли у изгороди из колючей проволоки, отделявшей территорию завода от проезжей дороги, которой пользовались все жители города. К восьми часам утра, когда керосин из баков выгорел, пожар прекратился, и под струями воды, лившейся на раскаленные огнем искореженные листы железа, над местом пожара подымался только пар.

Мы получили разрешение покинуть территорию завода, смыть с себя копоть и к десяти часам быть на сво-

их рабочих местах в управлении ГПУ. Но мы с Костей Осиповым не поехали — остались на заводе. Мне, молодому чекисту, только начинавшему службу, в страшном ночном пожаре мерещился призрак злобного врага, скрывавшегося где-то поблизости, быть может, среди толпы жителей, сбежавшихся чуть ли не со всего города смотреть на необычное зрелище. Я остался на заводе больше из любопытства, чем из побуждения найти диверсанта. Очень уж мне было интересно, что собирался предпринять здесь Осипов. Мое добровольное присоединение даже обрадовало Осипова. Он не стал, как обычно, шутить надо мной. И тут я еще больше проникся к нему уважением.

Костя Осипов был по-настоящему партийным человеком, доброжелательным к друзьям, непримиримым к врагам. Все же длительная работа в ЧК, начиная с самых трудных первых лет революции, в обстановке, когда внешние и внутренние враги все еще не оставляли своих планов и надежд подавить революцию и вернуть старые порядки, не могла не отразиться на его нервах — порой Костя бывал резковат, иногда срывался на гнев. Но вот, заметив мое, казалось бы, ненужное пребывание на заводе, он промолчал. Я понял это как одобрение моего поступка.

Подобрав с земли железный прут, не обращая на меня внимания — а я следовал за ним по пятам, — Костя медленно обходил место пожара, вороша уже остуженные водой, искореженные огнем листы баков, от которых остались лишь круглые кирпичные фундаменты не более полуметра высотой. У одного из фундаментов его внимание привлекла небольшая куча строительного кирпича, обычно изготавливаемого в Батуми из гравия и цемента, размером раза в два больше, чем красные кирпичи из обожженной глины. Куча кирпича не являлась частью фундамента сгоревшего бака. Это было совершенно очевидно, так как фундамент бака не был раз-

рушен пожаром и сохранял свою форму правильного кольца.

Аналитический склад ума и умение делать выводы из фактов, даже на первый взгляд совсем незначительных, давно были замечены за Осиповым. Он долго стоял над кучей кирпича, о чем-то думая, затем направился к фундаменту второго сгоревшего бака и медленно обошел его. Не найдя там ничего заслуживавшего внимания, вернулся к первому. Опять задержался около. Куча кирпича его заинтриговала.

— Как ты думаешь, для чего сложены эти кирпичи?

Я промолчал, не зная, что сказать. Осипов приказал мне разыскать заместителя директора завода, ведавшего снабжением и строительными работами.

До предела уставший и перепачканный сажей, заместитель директора сидел в своем кабинете и пил чай. Я пригласил его к сгоревшим бакам, где нас ожидал Осипов.

— Для какой цели свалены кирпичи? Когда? Что собираетесь строить? — неторопливо произнес Осипов. Видя, что замдиректора медлит с ответом, повторил: — Что собирались здесь строить?

— Здесь? Ничего. Мы сооружаем пристройку к водоуправлению на другой части территории, далеко отсюда. Туда в последние дни и привозили кирпич... Почему куча оказалась сваленной здесь, не могу объяснить. Тут одна повозка...

— Надо бы все узнать!

— Переговорю с прорабом, рабочими и охраной, тогда скажу.

— Нет. Разговоры с ними мы берем на себя. Прошу вас к одиннадцати часам со всеми этими людьми быть у нас в управлении. — Повернувшись ко мне, Костя добавил: — Пойдем умываться и завтракать.

Заместитель директора ушел в заводоуправление.

Отбросив в сторону железный прут, Костя вытер ру-

ки носовым платком и опять молча зашагал, направляясь к выходу с завода. Я последовал за ним, предвкушая горячий душ и плотный завтрак. Нам предстояла напряженная работа на протяжении многих дней, пока не обнаружим диверсантов. А вот где и как их искать, я себе не представлял. Ладно, буду наблюдать за всем, что станет делать мой начальник Костя Осипов.

После завтрака, придя в управление, мы узнали, что из Тбилиси, а также из Москвы от нашего председателя требуют определенных данных о причинах пожара. Диверсия на одном из немногих предприятий, которое производило продукцию на экспорт, — событие не рядовое. Иностранная валюта, столь необходимая для осуществления планов промышленного строительства в первой пятилетке, поступала в зависимости от количества и качества продаваемой за границу продукции наших предприятий. Враг знал, где совершить диверсию. Может быть, пожар не дело рук диверсантов? Мы нервничали, не имея фактов для объяснения возникновения бедствия.

И вот в кабинете Осипова появился заместитель директора нефтеналивного завода с прорабом, бригадиром каменщиков и стрелком охраны. Прораб показал нам наряды на кирпич, привезенный на пятнадцати подводах в субботу, а бригадир каменщиков пояснил: кирпич с этих подвод им принят и сложен, ни одна из подвод не разгружалась у баков, а находящийся там кирпич мог быть свален лишь с шестнадцатой подводы, которую он не принимал и не видел. Кто же привез шестнадцатую подводу?

Мы приступили к допросу стрелка охраны, дежурившего в субботу у ворот завода. Расторопный паренек из недавно демобилизованных красноармейцев толково, ничего не утаивая, рассказал, как в субботу, в первой половине дня, три или четыре подводы сделали по несколько ездов за кирпичом. Было их пятнадцать или

шестнадцать, паренек точно не помнил. В его обязанности не входило считать подводы и количество ездов. Он следил, чтобы с территории завода ничего не вывозилось без специальных пропусков.

Осипов внимательно его выслушал.

— Когда был привезен последний воз с кирпичом? — спросил он.

Припоминая, стрелок сказал, что последний воз «припоздал» и пришел, когда все «пошабашили»...

— Кто все?

— Все рабочие первой смены и каменщики с пристройки.

— В котором часу это было? Вспомните.

— После четырех. Когда прибыла последняя подвода с кирпичом, смеркаться началось...

— Значит, рабочих-строителей уже на заводе не было?

— Это точно. Я был у ворот, когда они уходили.

Костя скосил глаза на меня, как бы шутя спрашивая: правильно ли ведет вопрос. И попросил стрелка описать наружность возчика последней подводы. Стрелок пожал плечами.

— Не к чему мне было присматриваться к возчикам, да и все они как бы на одно лицо: с черными усами, в войлочных шапочках, лошадь не то пегая, не то гнедая...

— А вы бы узнали того возчика, если бы встретили на улице?

— Может, узнал бы, а может, нет...

Стрелка охраны отпустили.

— Придется тебе походить с ним по улицам, поискать возчика, — сказал мне Костя, собирая протоколы допроса и направляясь к зампреду докладывать результаты. Он предложил мне пойти вместе с ним.

На докладе Осипов сказал, что кто-то привез воз кирпичей и в нем замаскированный взрывной снаряд

с взрывателем, рассчитанным на замедление в несколько часов. Взрыв, по мнению Осипова, а с ним и пожар произошли поздно ночью. Заряд имел направленное действие — он пробил толстый железный лист бака и воспламенил хлынувший из пробоины керосин.

Слушая Осипова, я удивлялся его расчетом. Он отдавал предпочтение интуитивным выводам перед логическим расчетом. Поступки и поведение чекиста порой оказываются не такими уж невероятными, если принять во внимание обстановку, в которой ему приходится действовать.

Костя говорил так уверенно, как если бы видел все своими глазами и присутствовал при подготовке этой диверсии. Факт диверсии у него не вызывал никаких сомнений, и начальство полностью согласилось с ним. Оставалось выяснить самое трудное: кто ее организовал и осуществил. Навряд ли диверсанты оставались в городе, а не поспешили скрыться из него еще в период пожара.

С утра до вечера ходили мы по городу со стрелком охраны, который всматривался в лица прохожих. Я ходил вместе с ним, но не верил в возможность опознания и розыска таким путем преступника. Через неделю Осипов сказал, чтобы я прекратил это бесполезное занятие. Мы встречали много людей с черными усами, в войлочных шапочках, всякий раз убеждались в полнейшей непричастности этих людей к диверсии.

Образ возчика кирпича в моем воображении представлялся совсем не таким безобидным, каким он был обрисован стрелком охраны. Неопреодолимая сила приводила меня на нефтеналивной завод, и я каждый раз проделывал путь от ворот к бакам, по которому были привезены кирпичи с адской машиной. Я думал о том, что преступление было тщательно обдумано группой диверсантов, которые предварительно изучили обста-

новку на заводе, выбрали место для закладки взрывного снаряда, а уж потом послали подводу с кирпичом.

...Прошло два месяца. Наступила батумская зима. Шли дожди, иногда выпадал снег, сразу таявший на дорогах. Летело время, а мы все не могли сообщить ничего определенного о виновниках пожара на заводе. Запросы из Тбилиси и Москвы становились все настойчивей. Однако следов диверсантов мы не находили, отвечать было нечего. Продолжая без каких-либо успехов изучать подозрительных лиц, проживавших в Батуми и его ближайших окрестностях, особенно из числа бывших белых офицеров, мы понемногу теряли уверенность в том, что диверсанты будут обнаружены.

В один из пасмурных дней заместитель председателя Аджарского ГПУ, которого мы все называли Сергеем, вызвал весь состав нашего небольшого контрразведывательного отделения к себе в кабинет. Ему было немногим больше тридцати лет. Высокий, слегка располневший, светлый шатен с коротко подстриженными волосами на начинающей лысеть со лба голове, с глазами слегка навывкате, с четко очерченными губами и маленькими усиками щеточкой, которые он имел привычку теревить.

Нас было пятеро. Мы молча уселись на порядком потертые диван и два кресла. Тяжелым, усталым взглядом начальник обвел всех нас, пожевал губами, потеребил свои усики и, не выпуская из левой руки бланка с расшифрованной телеграммой из Центра, заговорил:

— Сегодня в порт прибывает иностранный танкер. В составе его команды под видом матроса находится агент белогвардейской диверсионно-террористической организации, именующей себя Братством русской правды, сокращенно БРП. Эта организация подчиняется генералу Кутепову, существует на средства, получаемые от иностранных разведок. Состав БРП укомплектован

из офицеров белых армий, в период гражданской войны служивших в контрразведках. Они убежденные враги Советского государства, за каждым из них много преступлений на нашей земле. — Помолчав, он встал, подошел к окну и, повернувшись к нам спиной, некоторое время смотрел на приморский бульвар, начинавшийся на противоположной стороне улицы. Обернувшись, продолжил:

— Один из белогвардейских контрразведчиков едет к нам. С какой целью? — И хотя в последних словах начальника звучал вопрос, мы понимали, что от нас не требуется ответа. — Может ли он остаться у нас под видом сбежавшего с корабля матроса, как это уже бывало раньше? — Зампред рассуждал вслух, но, судя по всему, делал это умышленно, чтобы направить наши раздумья в нужное русло. — Нет, это исключено! Когда бегут с судна, то обычно обращаются к властям о предоставлении убежища, приводят для этого убедительные доводы, и такие люди, конечно, не могут рассчитывать на свободный выбор местожительства. Этот человек, сбежав с корабля, вероятно, рассчитывает затеряться в нашей большой стране, хотя я сомневаюсь и в этом. Побег сразу же стал бы известен властям, мы бы приняли меры к розыску. Так для чего же он все-таки прибывает?

Начальник опять сделал паузу, давая нам время осмыслить сказанное. Пауза длилась достаточно долго. Продолжая стоять у окна, он что-то обдумывал, покачиваясь с носков на каблуки и продолжая смотреть на высокие деревья бульвара за туманной сеткой дождя.

— Этот субъект, — продолжал он, — прибывает к нам на короткое время, чтобы установить с кем-то связь, возможно, передать инструкции, получить какие-то материалы... На этой версии мы с вами остановимся и начнем действовать. Что скажете?

Мы продолжали молчать. Я не представлял, что же надо в таком случае предпринять.

Предугадав мой вопрос, Сергей Александрович спросил:

— А что будем предпринимать? — Вопрос прямо адресовался нам, но мы не спешили высказываться, зная своего начальника: у него все уже обдумано, решено, и сейчас он изложит нам свой план мероприятий, даст каждому задание. Сев за свой письменный стол, он достал чистый лист бумаги и приготовился записывать пункты плана предстоящей операции.

— Начнем с того, что арестуем этого посланца БРП сразу же на берегу. Сойдет он обязательно, можете не сомневаться...

Я был поражен таким невероятным решением: легко арестовать матроса иностранного судна, кем бы он в действительности ни был, а потом-то что?

— Осипов немедленно отправится в порт, на контрольно-пропускной пункт погранохраны, выяснит, когда прибывает танкер в порт. Затем наденет форму и с рядом пограничников отправится на этот танкер для выполнения обычных формальностей — проверки документов. Таким образом мы установим наличие кутеповского посланца на судне. Его имя и фамилия по судовой роли нам сообщил Центр, — и начальник потряс в руке бумагой. — Танкер будет стоять на рейде в ожидании свободного наливного причала. Команде разрешают спуск на берег. Мы постараемся, чтобы это произошло с наступлением сумерек, теперь быстро темнеет. Когда агент сойдет на берег, мы незаметно для других арестуем его и доставим сюда. Вот и все. Остальное будет зависеть от результатов его допроса. — Начальник опять замолчал, теребя свои усики, а затем, как-то по-особенному посмотрев на нас, добавил: — Совсем не исключено, что это дело приведет нас к разгадке диверсии на нефтеналивном заводе, происшедшей два ме-

сяца назад. Если, конечно, мы дело поведем с умом и не допустим грубых ошибок. — Сделав рукой энергичный жест сверху вниз, он твердо заключил: — Значит, мы его арестуем!

Затем трем товарищам он поручил обеспечить незаметное наблюдение на улице за агентом БРП. Осипов и выделенные для наблюдения люди сразу ушли.

Из пятерых только я один не получил еще задания. Начальник, склонившись над столом, казалось, забыл о моем присутствии, старательно выписывал план. Закончив с ним, вызвал машинистку и передал ей рукописный черновик. Затем поднялся, как бы разминаясь, сделал несколько кругообразных движений руками и опять занял свое излюбленное место у окна, повернувшись ко мне спиной. В такой позиции ему, наверное, было удобно обдумывать свои планы. Старые стенные часы, висевшие у него в кабинете, медленно, дребезжаще отбили четыре раза. В зимний день уже начинало смеркаться. Неожиданно Сергей проговорил:

— Летят перепела... — И вслед за этим я услышал мелодичный слабый звук, издаваемый летящей стайей перепелок. Это было характерным для поздней осени в Батуми, над которым шли огромные стаи перелетных птиц. Звуки исходили из низко нависавшего неба, и казалось, что их издает одна птица, а не сотни маленьких. Стоя вполоборота к окну, он явно подставлял ухо доносившимся звукам, на его лице появилась улыбка, и он поднял одну руку на уровень плеча в жесте, который должен предупредить меня не шуметь и не мешать ему слушать. Постояв так, повернулся: — Для тебя тоже найдется дело, возможно, даже самое интересное...

Чувство горькой обиды охватило меня. Полгода работы в ГПУ — срок, конечно, небольшой, чтобы накопить оперативный опыт, хотя я уже участвовал в нескольких достаточно рискованных операциях, но началь-

ство все еще мне не доверяло. Я продолжал сидеть на диване в ожидании обещанного задания, стыдясь попросить разрешения уйти.

— Сходи на берег, узнай, когда будет танкер, — заговорил наконец Сергей, — да заодно поужинай.

Придя в КПП, я узнал, что танкер уже на подходе и примерно через полчаса, максимум через час, появится на рейде. Получив эти сведения, я собирался уходить, когда появился Костя Осипов, облаченный в форму пограничника. Он не без удивления посмотрел на меня:

— Ты зачем здесь?

— Узнать, когда придет танкер...

— Без тебя некому узнать и сообщить начальству? — в своей обычной иронической манере проговорил он.

Присутствовавшие здесь же пограничники заулыбались. Меня разбирала досада, но я смолчал и ушел. Я отправился на водную станцию.

Видимость была плохой, сплошная пелена туч низко висела над морем и землей, шел дождь. На водной станции я застал одного инструктора парусного спорта, вольнонаемного молодого парня из местных — грека Метаксу. Его всегда можно было застать там: в любое время дня он возился со своим хозяйством — парусами, компасами, штормовой одеждой и другими предметами, входившими в снаряжение двух наших яхт. Как все батумские греки, Метакса любил крепкий кофе по-турецки, мастерски приготавливал его на электрической плитке. Он обрадовался моему приходу и сразу же предложил чашечку кофе. Я отказался и попросил дать мне бинокль, с которым вышел на конец станционной пристани. Недалеко от берега на якоре плясали наши яхты. Прошло с полчаса, когда в сумеречной, туманной дали показались огни подходившего судна. Его покачивало на пятибалльной волне, видимо, капитан уже в открытом море откачал балластную воду из нефтяных тан-

ков — на рейде это делать строго воспрещалось, чтобы не загрязнять рейда. Прошло еще полчаса, и танкер бросил якорь. Тотчас к нему с КПП направился пограничный катер. На рейде море было беспокойным, и я видел, как сильно качался катер, представлял себе Костю Осипова взбирающимся по штурмтрапу, спущенному с борта танкера. В сгущавшихся сумерках в бинокль я все же рассмотрел, как пять пограничников благополучно перебрались на судно.

Дольше оставаться на станции мне было незачем. По телефону сообщив начальнику о прибытии судна, я направился в столовую, съел яичницу с ветчиной и выпил по-сибирски два стакана чая с молоком. Над этой моей привычкой всегда посмеивались мои закавказские друзья, называя мой вкус старушечьим. После такого ужина, или позднего обеда, я почувствовал себя готовым для любого трудного дела. Пребывая в благодушном настроении, в надежде получить обещанное интересное задание я опять направился в кабинет начальника, стараясь предугадать свою роль в намеченном деле. Может, мне будет поручено арестовать агента на ночной улице? Это слишком рискованно! Потребуется несколько человек. Агенты белогвардейских контрреволюционных организаций так просто в руки не даются, они вооружены пистолетами и гранатами, могут оказать серьезное сопротивление. Тогда что ждет меня?

С этой мыслью я переступил порог кабинета начальника.

При всей своей тогдашней молодой фантазии, мечтавая о романтических приключениях, я не мог себе представить, какое дело выпадет на мою долю в предстоящей операции. Оказавшись в кабинете начальника, я увидел, что он по обыкновению стоит в своей излюбленной позе у открытого окна, смотрит на уже совсем темную улицу, прислушиваясь к неумолчному шелесту дож-

дя и мелодичному клекоту пролетающих в темном небе перепелиных стай.

Услышав стук моих шагов, он повернул голову в мою сторону и с улыбкой произнес:

— А перепела все летят, все летят, и много их при-
бьет к земле, много их разобьется о маяк, ослеплен-
ных его светом, много мокрых будет этой ночью на зем-
ле, у подножия уличных фонарей... Взять бы сейчас сет-
ку и пойти собирать их. Как думаешь?

Меньше всего я ожидал услышать от него такое предложение. Я полагал, что мой начальник шутит...

Телефон как-то резко зазвонил. Сергей шагнул к столу и взял трубку. Звонил Осипов, уже вернувшийся с танкера на контрольно-пропускной пункт. Ожидаемый нами посланец генерала Кутепова действительно находится в составе команды прибывшего танкера.

— Прекрасно! Передай начальнику КПП, чтобы разрешил капитану танкера спуск людей на берег примерно после шести часов вечера. — Он посмотрел на стенные часы и добавил: — Оставайся на берегу до выхода первой группы моряков в город. Покажешь наблюдателям этого типа. Пусть они ждут его вблизи проходной. Пусть не спугнут. Понятно? Проследи и обеспечи!.. — Отдав это распоряжение, он опять вернулся к окну, покачался с носков на каблуки, в который раз проговорив: — А перепела все летят и летят...

Дались ему эти перепела. Забыл он, что ли, обо мне? Нетерпение с новой силой охватило меня. Мне хотелось знать все подробности об агенте БРП на танкере, говорил ли с ним Осипов и что он отвечал...

Постояв еще немного у окна, Сергей Александрович наконец уселся за свой стол и взглянул на часы.

— Сейчас свободная вахта сойдет на берег. Так. Начнется самое интересное... — Сняв трубку с аппарата, позвонил в буфет, заказал чай и бутерброды. Постукивая карандашом о стол, он продолжал молча раз-

думывать над чем-то, и я чувствовал, что нетерпение начинает одолевать и его.

Принесли чай. Не успел я допить свой стакан, как вновь зазвонил телефон. Сергей взял трубку и, продолжая прихлебывать чай и жевать бутерброд, вначале слушал молча, затем спросил:

— Сколько сошло? Восемь? Наш объект с ними? Очень хорошо! — И, обращаясь ко мне, добавил, что сейчас придет Осипов и подробно обо всем доложит.

Костя не заставил себя ждать. Войдя в кабинет, он молча снял мокрый плащ и фуражку с зеленым верхом, аккуратно повесил их на вешалку, достал сложенный вчетверо чистый носовой платок, развернул его, тщательно вытер им мокрые от дождя лицо и руки. Смятый платок вложил в карман плаща, одернул гимнастерку, поправил пояс, пригладил волосы и уселся на диван рядом со мной.

Сергей Александрович молча наблюдал за всеми его действиями, хорошо зная привычки товарища. Ждал, когда он сам начнет свой рассказ.

— Когда мы поднялись на борт танкера, — начал Осипов, — на палубе нас ждал старпом. Старший нашего наряда оставил у трапа одного солдата с карабином, а своего помощника со вторым солдатом послал опечатать радиорубку. Так положено для всех иностранных судов, проходящих в наши порты. За старпомом мы прошли в кают-компанию, где застали капитана. Он спросил, долго ли ему стоять на рейде в ожидании свободного наливного причала. Старший наряда сказал, что контора нефтесиндиката не задержит. Капитан ушел к себе, а старпом пригласил нас к столу, где на одном его краю была приготовлена закуска и выпивка. Мы отказались от угощения, прошли к другому концу стола, где лежала стопка мореходных книжек членов команды. Я сел за стол и пододвинул к себе эти книжки. Затем в кают-компанию входили группами члены коман-

ды, называли свои имена и фамилии, а я сверял их идентичность по фотографиям в мореходных книжках. Так я узнал агента БРП, значившегося палубным матросом. Пропустил его без задержки, ничем не проявив свою заинтересованность его личностью. Процедура заняла не более получаса. Оставив двух солдат на танкере, мы спустились по трапу на свой катер и отправились на берег. Там я оставался, ожидая высадки первой партии моряков. Прошло не более четверти часа, — продолжая Костя, — как от танкера отвалил катер и направился к берегу. Высадилось восемь человек. Я показал агента наблюдателям. Как только он миновал проходную, вышел в город, они повели его. Вот и все, — закончил Осипов свой доклад, устало погладил лоб, взял со стола стакан чаю и, грея озябшие руки, держал его между ладонями.

Начальник вышел из кабинета. Он доложил председателю ГПУ о первой части операции. У председателя Сергей Александрович пробыл недолго. Вернувшись, сразу взял зазвонивший телефон: старший группы наблюдения сообщил, что агент пока идет вместе с матросами танкера. Они побывали в портовом интернациональном клубе моряков, пошатались по комнатам, посидели в буфете, выпили по стопке коньяку. Двое остались в интерклубе, взяв билеты на киносеанс, видимо, не желая бродить по улицам под дождем. Шестеро же других вышли и всей группой отправились в город.

Старший группы наблюдения периодически звонил, докладывая о передвижении этих шести моряков. Так мы узнали, что двое из моряков зашли в духан поужинать и выпить, а, возможно, сбить какую-либо мелкую контрабанду. Четверо оставшихся медленно брели по улицам, останавливаясь у освещенных витрин магазинов и входов в кинотеатры. Шли вразброд, не группой, а цепочкой — один за другим, почти не разговаривая друг с другом. Двое из четверки прельстились кра-

сочной афишей — зашли в кинотеатр. Оставались еще двое. Агент все отставал от идущего впереди. Он часто останавливался у витрин, незаметно осматривался, задерживался на углах. Наконец, улучив момент, свернул в темный, плохо освещенный переулок, быстро зашагал, сворачивая из одной улицы в другую, пока не вышел на ту, что вела к вокзалу.

— Вот куда он направлялся, — проговорил начальник, когда получил последнее сообщение, и, не отрывая трубки от уха, сказал, чтобы на вокзале продолжали наблюдение: очень возможно, что именно там, в толпе пассажиров, и должна произойти встреча, ради которой агент прибыл в Батуми.

— Быть может, он собирается уехать куда-либо? — высказал свое предположение Костя.

— Не исключено. В восемь часов уходит единственный поезд на Тбилиси. Если уж он сядет в поезд, то чтобы сойти на первой остановке, в Кобулет. Только так, и никак иначе, — уверенно проговорил Сергей Александрович, опять взглянув на стенные часы.

Я записывал донесения, поступавшие от группы наблюдения, отмечал время. Прошло еще минут десять, телефон не звонил, а все мы в ожидании молча смотрели на него. Раздался звонок: наблюдаемый пришел на вокзал, занял столик в ресторане, заказал водку и закуску. Он подозвал нэсильщика и передал ему деньги. Еще через несколько минут нам стало известно, что нэсильщик купил по его заказу билет до Тбилиси в мягком вагоне.

— Очень, очень хорошо, — проговорил Сергей Александрович. — Будем брать его в вагоне. Это удобнее и безопаснее.

Затем Сергей соединился с начальником транспортного отделения ГПУ станции и коротко ориентировал его о предстоящем аресте в поезде опасного преступника, предложил оказать помощь нашим товарищам.

Следующее донесение начальника группы наблюдения было о том, что, получив от носильщика билет, агент продолжает сидеть в ресторане.

— Займите соседнее купе и берите агента, как только поезд отойдет от станции. Я дам указание начальнику транспортного отделения организовать остановку поезда хотя бы на одну минуту на станции Чаква. К этому сроку агент должен быть в ваших руках. Понятно?

Начальник позвонил в гараж и приказал шоферу Николаю подать машину к подъезду. Стрелки часов подходили к восьми, и до отхода поезда оставались считанные минуты.

— Этот тип взял билет до Тбилиси, но дальше Кобулету не поедет... Ведь завтра утром он должен быть на своем суде. — И, обратившись ко мне, сказал с загадочной улыбкой: — Поезжай на станцию Чаква, прими арестованного и привези его сюда... Наступила твоя очередь.

Я сорвался с дивана, спустился в свою рабочую комнату, взял пистолет и запасные обоймы к нему и, не успев надеть плащ, услышал сигнал подъехавшей машины. Под непрекращавшимся дождем мы помчались по улицам, разбрызгивая лужи.

— Гони в Чакву, мы должны прибыть туда раньше, чем подойдет поезд, — сказал я Николаю.

Он ловко поворачивал из улицы в улицу. В городе скорость сбавили. Выехали на шоссе и увидели уже отошедший от станции поезд. Николай выжал из машины все, что было возможно, и мы заметно стали обгонять состав. Шоссе шло параллельно железнодорожному пути, и мы не теряли из виду поезд с его ярко освещенными окнами вагонов. Я пытался представить себе, что происходит сейчас в мягком вагоне, где наши сотрудники брали агента БРП. Мы обогнали состав и подъехали к небольшому зданию станции Чаква. Огни па-

ровоза были видны уже у входного семафора, и машинист паровоза дал протяжный гудок, предупреждая об остановке.

Замедляя ход, поезд подходил к станции.

Ожидавший на платформе оперуполномоченный транспортного отделения подвел меня к тому месту, куда должен прибыть мягкий вагон. Скрежеща тормозами, состав остановился, трое наших сотрудников вывели из вагона человека в глухо застегнутом резиновом плаще, блестящем как лакированный, с глубоко надвинутым капюшоном. На запястьях его рук тускло поблескивали стальные наручники. Двое сотрудников вели арестованного под руки. По сигналу начальника поезда состав тотчас тронулся в путь, быстро набирая скорость.

Как было приказано, со станции я позвонил начальнику, доложив о приемке арестованного. Впятером мы с трудом втиснулись в небольшую автомашину и отправились в обратный путь.

Через двадцать минут мы подъезжали к подъезду ГПУ. Там нас ждал Осипов, а начальник в нетерпении выглядывал из окна своего кабинета на втором этаже.

Арестованного отвели в комендатуру. Мы поднялись в кабинет Сергея Александровича, старший группы доложил о том, как был арестован агент. Из его рассказа следовало, что они вчетвером под видом пассажиров заняли соседнее с агентом купе. Как только поезд тронулся со станции Батуми, проводник стал стелить постели. Чтобы не мешать ему, наблюдаемый вышел в коридор. В этом узком помещении агента было удобнее взять. Поджидавшие в коридоре товарищи быстро вывернули ему руки назад, втокнули в свое купе и, надев наручники, уложили лицом вниз на нижний диван. Из его карманов извлекли пистолет «кольт», две запасные обоймы к нему и одну ручную гранату «мильса». Все было проделано в считанные секунды, и никто из пассажиров мягкого вагона даже ничего и не заметил.

В кармане агента была мореходная книжка и двести рублей советских денег, а также пятнадцать долларов мелкими купюрами. Все отобранное старший группы положил перед начальником на его письменный стол.

Выслушав доклад, зампред поблагодарил товарищей за проделанную работу и отправил отдыхать. Он позвонил в комендатуру и приказал привести к нему в кабинет арестованного агента БРП. Осипову и мне предложил остаться.

Костя поставил посреди комнаты, в метре от стола начальника, стул и сел ко мне на диван. Осторожный стук в дверь. Вахтеры ввели арестованного. «Матрос» иностранного танкера вошел без плаща. Короткая куртка из плотной синей материи и такие же брюки, заправленные в резиновые сапоги, какие обычно носят матросы на судах. Ему жестом указали на стул. Агент сел. Один из вахтеров положил на стол начальника ключ от наручников.

Молча осмотрев этого человека, Сергей Александрович приказал Косте снять с него наручники. Они были надеты на отведенные назад руки, арестованный сидел, несколько наклонясь вперед. Он выпрямился, оперся слегка на спинку стула и, не глядя на нас, потирал натертые металлическими браслетами запястья рук.

Ему можно было дать не больше тридцати лет. Чисто выбритый, аккуратно подстриженный, в хорошо пригнанной одежде, он производил впечатление опрятного человека. Среднего роста, плотного сложения, светлый шатен с серыми глазами, он не имел в своем лице и во всей внешности ничего, что особо выделяло бы его в толпе. С одинаковым успехом он мог быть принят за русского или любого европейского северянина.

Рассматривая его, Сергей Александрович иногда переводил взгляд на меня, чего я никак уж понять не мог.

Продолжая рассматривать сидевшего перед ним, он как бы сравнивал нас обоих. Агент опустил голову.

— Ну, ну, — наконец произнес свое обычное наш начальник. — Раздевайтесь!

— Жэ не компран па*, — по-французски сказал арестованный.

— Не компран па? — усмехнулся Сергей Александрович. — Продолжаете разыгрывать из себя иностранца? К чему это приведет, как вы думаете? Мы же знаем вас и ждали. Ваш французский язык, как у нас говорят, с нижегородским произношением. Раздевайтесь!

Посмотрев исподлобья на говорившего и бросив ко-
сой взгляд на нас, агент стал раздеваться.

— Не спешите, у нас есть время, — не изменяя своему обычно ироническому тону, проговорил Костя Осипов, принимая от арестованного куртку и рубашку. — Снимите сапожки... Ладно. Теперь хватит пока...

С курткой и рубашкой Осипов сел на диван. Со скрупулезной внимательностью осмотрел эти вещи, прощупывая каждый шов и даже просматривая на свет. Достал свой небольшой перочинный нож, открыл маленькое лезвие и, вывернув наизнанку рукава, увидел под мышками клеенчатые потнички. Отпорол их, тщательно ощупал и стал распарывать своим ножом. Что-то нащупав в одном из них, Костя, с усмешкой посмотрев на нас, двумя пальцами извлек из потничка небольшой квадратный кусочек голубоватого, полупрозрачного шелка с несколькими столбцами цифр. Это была зашифрованная записка. Посмотрев на свет, положил ее на стол перед Сергеем Александровичем, который стал разглядывать ее, держа перед настольной лампой. Лицо агента не выражало удивления, он молча курил, терпеливо ожидая конца столь тщательно проводимого Осиповым обыска.

---

* Я не понимаю (франц.).

Не желая оставаться пассивным зрителем происшедшего, я взял один снятый арестованным сапог. Но Костя подал мне знак — ничего из вещей не трогать. Он некоторое время возился с курткой: прощупывал все ее швы, обшлага рукавов и воротник. Не найдя в ней больше ничего интересного, взялся за рубашку, обыкновенную, с отложным воротничком, какие обычно носят под пиджаками. Подержал ее на вытянутой руке, как бы оценивая качество, затем очень уверенно, с изнанки одного из кончиков воротничка, куда вкладывают для жесткости целлулоидную пластинку, извлек плоскую стеклянную ампулу, видимо, с ядом. Такие ампулы предназначались как верное средство мгновенно покончить счеты с жизнью в случае ареста. Стоило этому молодому человеку взять в рот кончик воротничка, раздавить зубами ампулу, и мы уже ничего не смогли бы узнать о цели его прибытия. Но посланец генерала Кутепова не воспользовался этим даром «милосердия», когда мы сняли с него наручники. Не воспользовался. Очевидно, жизнь в тридцать лет неотразимо манила его, вселяла надежды.

Изучив куртку, Константин взялся за сапоги. Обычные матросские резиновые сапоги с литыми подошвами и массивными каблуками. Своей худой рукой он подолгу шарил внутри каждого сапога, ощупывал изнутри и снаружи, мял и даже пытался скрутить толстую подошву. Все проделывал не спеша, тщательно приглядываясь к каждой морщинке, и, казалось, даже принюхивался. Уж очень долго рассматривал он подошвы, литые заодно с каблуками. Поставив сапог на пол перед собой, Костя закрыл маленькое лезвие перочинного ножа и открыл большое, которое острожно, понемногу стал подсовывать под основание каблука. Постепенно отделил каблук правого сапога, и в его руке оказался массивный кусок резины толщиной сантиметров в пять или шесть. Повертев его и так и эдак, он заметил едва

уловимый на вид тонкий слой резины, приклеенный к верхней части. Бросив свой хитрый взгляд на нас, решительно поддел лезвием тонкую наклейку, легко отделил ее от каблука. В центре литой части было аккуратно вырезано четырехугольное отверстие сантиметра два глубиной, а в нем таился небольшой пакетик, завернутый в клеенку.

Начальник ничем не выразил своего удивления и не произнес ни единого слова, когда Костя извлек пакетик, развернул его и достал откуда небольшой бронзовый крест старинной формы с закругленными краями и изображением маленькой иконы Спаса в центре. Крест был прикреплен к трехцветной ленте старого русского флага. Повертев этот орден в руках, он передал его Сергею Александровичу, сказав своим саркастическим тоном:

— У нас кого-то награждают, а мы даже не знаем, за какие заслуги...

— Узнаем, — проговорил начальник, пытаясь прочесть на обратной стороне креста надпись старинной славянской вязи; он пошевелил губами и, положив крестик на стол, спросил: — Ну все? Может, попросим совсем раздеться?

— Пока как будто бы все, — задумчиво пробормотал Костя и, обращаясь к арестованному, вздохнул: — Это все или у вас еще что-нибудь спрятано?

Не дождавшись ответа, я посоветовал продолжить раздевание. Начальник махнул рукой.

— Ладно, хватит! Можете одеваться.

Когда арестованный застегнул последнюю пуговицу на куртке, начальник вынул из ящика бланк допроса, положил на стол и дал мне знак сесть на его место, чтобы записывать показания.

— Ну что ж, кто вас послал? Зачем? Кого наградили этим красивым орденом? Расскажите обо всем не

торопясь. Сначала назовите свое настоящее имя и фамилию, откуда вы родом.

— Вы взяли мою мореходную книжку, там есть все сведения обо мне...

— Нас интересуют настоящие имя и фамилия, а не вымышленные, записанные в книжонке. Дело ваше проиграно! Разве это не очевидно для вас? Чего уж! Говорите правду! Ваше имя по мореходной книжке, как вам нетрудно догадаться, было нам известно еще до вашего прибытия. Не будем терять время на бесполезные разговоры. Отвечайте на вопросы!

— Не буду... Не имеет смысла...

— Почему же?

— При всех обстоятельствах вы меня расстреляете...

Категорический ответ звучал как-то не очень уж решительно, в нем не было твердого тона. И это уловил даже я, человек, еще далеко не набравшийся опыта в допросах.

— На чем основано ваше убеждение, что вас расстреляют? К счастью для вас, вам еще не удалось совершить что-либо такое, за что суд выносит смертный приговор. Мера наказания будет зависеть от вашего поведения на следствии и на суде. Чистосердечные и полные признания будут учтены.

— Я в это не верю.

— Напрасно. Подумайте. — Начальник подошел к столу, за которым я сидел, собрал лежавшие на нем бумаги и отобранные у арестованного вещи, сложил в ящик стола, показывая видом, что разговор может быть сейчас же окончен.

Агент поднял голову, посмотрел на Сергея Александра, затем на Осипова, который сидел на диване.

— Ну, ну! Говорите, сколько вам лет?

— Двадцать девять...

— В каком чине вы служили в белой армии?

— Прапорщиком.

— Кем был ваш отец и где он в настоящее время?

— Он был военным священником в белой армии Деникина и Врангеля. Несколько месяцев назад умер в Югославии...

— Кто еще из членов вашей семьи находился в эмиграции?

— Больше никого. Мать умерла в 1916 году, сестра осталась с мужем в России. Где сейчас, не знаю.

Покончив с вопросами о близких и дальних родственниках, желая подобными, не очень уж важными вопросами создать спокойную обстановку, успокаивая взволнованного человека, начальник прошелся от стола, за которым я сидел, к окну. Он молча постоял у окна, глядя на ночную дождливую улицу, а затем, вернувшись к столу и взяв последний написанный мною лист допроса, сказал:

— Нам известно, что вы служили в Севастополе младшим офицером в контрразведке. — И, посмотрев на арестованного, совсем низко опустившего голову, после короткой паузы продолжал: — Не главной спицей были вы в этой колеснице, но все же это была контрразведка, не так ли?

Арестованный съежился. Его сознание пронизывала мысль, более того — уверенность, что в их строго засекреченной организации есть люди, информирующие нас. Иначе как мы могли знать, что он прибудет к нам на иностранном танкере?

Исчерпав свои вопросы, касавшиеся биографии, Сергей Александрович перешел к главному. Он еще раз предложил арестованному откровенно рассказать о полученном задании, кому агент должен был вручить награду и т. п. И в заключение сказал:

— Если вы считаете себя патриотом России, другом русского народа, то, подумав, поймете, что Братство русской правды и Общевоинской союз, возглавляемые генералом Кутеповым, являются лишь орудием в руках

иностранных разведок, врагов нашей Родины. Это не патриотические организации. Они за иностранные сребреники продают интересы России. Стоит вам рисковать своей молодой жизнью? Не лучше ли признать свои заблуждения? Между прочим, вы задумывались когда-нибудь, откуда у Кутепова деньги? Кто их ему дает?

Кутеповский посланец сидел с низко опущенной головой. В кабинете стояла тишина, и только едва доносившийся слабый шелест непрекращавшегося дождя за открытым окном. Сергей Александрович опять подошел к окну, прислушался и в который раз произнес:

— А перепела все летят... — Повернулся к арестованному и резким тоном спросил: — Вы будете давать окровавленные показания или нет?

— Я расскажу все. Записывайте... Меня зовут Георгий Федорович Вересов, дворянин... — Не без волнения он стал рассказывать о своей жизни, о задании, с которым был прислан. Говорил он быстро, спешил, и мне не раз приходилось останавливать его, чтобы успеть записать все его ответы. Особенно дотошно начальник расспрашивал о людях, с которыми посланец Кутепова общался за рубежом, с кем из них виделся перед отъездом. Он даже требовал, чтобы арестованный во всех подробностях описывал внешний вид этих людей, их особенности и все, что ему было известно об их службе в белой армии и их занятиях в эмиграции. Допрос длился, пожалуй, больше полутора часов. Я исписал десяти страниц.

О цели своего приезда бывший врангелевский контрразведчик рассказал следующее. В двадцати пяти километрах от Батуми, вблизи небольшого городка Кобулет, под видом бригады строительных рабочих укрывалась и действовала диверсионно-террористическая группа из семи человек, возглавляемая казачьим сотником. Связному было поручено передать группе оче-

редное задание, суть которого была изложена в шифрованной записке, а также в получении от сотника отчета о деятельности группы. Затем сотнику надлежало объявить о награждении его крестом, но награду не вручать, а только показать.

Внимательно выслушав рассказ посланца Кутепова и перечитав некоторые места в протоколе, начальник вновь стал задавать уточняющие вопросы, касающиеся пребывания этого человека в эмиграции, об известных ему там людях, о характере общения с ними, требовал описать их внешний вид, манеру одеваться и т. д. Все показания я подробно записал. Наконец допрос закончился. Сергей Александрович было взялся уже за телефон, чтобы вызвать вахтеров и отправить арестованного в комендатуру, но, посмотрев на его разутые ноги в толстых носках, позвонил в гараж — приказал принести оттуда какие-нибудь сапоги. Я недоумевал, почему арестованный не может обуть свои сапоги: всего лишь к подметке правого надо приклеить отломанный каблук; это могли сделать в комендатуре.

Николай принес из гаража старые резиновые сапоги, в которых его помощник обычно мыл автомашины.

— Надевайте пока эти, — приказал Сергей Александрович. — Вернем ваши, когда починим.

Мы остались вдвоем.

— Итак, дорогие сеньоры, что будем делать? — спросил Осипов.

Мы молчали. Осипов ухмылялся.

— Так что будем делать, сеньоры? — повторил он.

— А вот что. Вместо этого типа к сотнику в Кобулету пошлем своего человека. Кто из нас подходит на эту роль? — строго спросил заместитель председателя.

План посылки нашего человека возник у него, видимо, сразу, как только была получена телеграмма из Центра. Это решение появилось в его тренированном

оперативном мозгу. После ареста посланца Кутепова, после выяснения цели его прибытия мысль необходимо воплотить в реальные формы.

Кто из нас или из наших сотрудников, отсутствовавших при этом разговоре, больше всего подходит для посылки в группу сотника? Меня этот вопрос застал врасплох, я присоединился к молчанию.

— Я думаю, — продолжал наш начальник, — что больше всего для этой роли подходишь ты! — И он ткнул пальцем в мою сторону. Не дав мне разинуть рта, стал излагать свои доводы: — Ты подходишь по возрасту, хотя и моложе Вересова на несколько лет. Это не так уж заметно. В Батуми ты человек новый, еще не примелькавшийся, тебя почти никто из жителей и не знает. Это очень важно. Группа сотника могла вести наблюдение за нами, знает чекистов. Наше здание — напротив приморского бульвара, что удобно для наблюдения за нами. Надеюсь, ты сойдешь за молодого белого офицера. Сколько в армии Врангеля было таких молодых из кадетов и гимназистов, которым нацепляли погоны прапорщиков...

Осипов молчал, сосредоточенно чистил ногти своим перочинным ножичком.

— Ну, согласен? — спросил меня Сергей Александрович.

— Конечно, — кивнул я, хотя не был готов сыграть роль Вересова, к тому же контрразведчика. Для нее нужен был работник с опытом. Однако отказываться я не хотел. Партия послала меня служить в органы ГПУ. Риска я не боялся и смерти тоже, опасался только, что не сумею выполнить задание.

Честолюбие, желание отличиться, показать себя в опасном деле не позволяло мне отказаться от задания. Еще подумают, что я трус! К тому же я доверял старшим товарищам: уж если заместитель председателя ГПУ решил, что я подхожу к намеченной им роли, он

лучше знает, какому риску подвергает своего подчиненного.

— Согласен? Что ж, не станем терять времени. Всю комбинацию надо провернуть до следующего утра. Ведь Вересов, прибывший под видом иностранного моряка, не позже утра вернется на свой корабль. Танкеры недолго стоят под наливом. Это очень выгодно для нас. Явившись в группу сотника, ты скажешь, что очень ограничен временем. Это избавит тебя от лишних расспросов и разговоров. Передай сотнику шифровку, покажи крестик и потребуй подробный доклад о деятельности его группы, который ты, как посланец БРП, должен отвезти генералу Кутепову. Вот вся твоя миссия.

Помолчав немного, Сергей Александрович продолжал:

— Конечно, каких-то разговоров не избежать. Поэтому изучи протокол допроса, особенно биографию Вересова, его эмигрантские связи, деловые знакомства. Не исключено, что сотник спросит о бывших его соратниках по белой армии, которые сейчас в эмиграции. От твоей игры будет зависеть не только успех задуманной нами операции, но и твоя личная безопасность.

Холодок опасений прокрадывался в мое сознание, отказываться от такого задания я все же не собирался. Наоборот, опасности и риск только подзадоривали меня.

Начальник наблюдал за мной. В его выпуклых глазах проглядывало не только желание проникнуть в мои сокровенные мысли, определить мое состояние, но сквозило и беспокойство.

— Длинных разговоров не допускай, — опять повторил он. — В этом залог успеха. Знай, что в случае провала они разделяются с тобой и уйдут к границе через густые горные леса. Что им еще останется? Напирай на то, что танкер уходит днем, тебе, матросу его команды, надо вовремя вернуться на судно. Некогда,

мол. Пусть сотник подробнее напишет донесение генералу. — Он настойчиво вдавливал в мое сознание, как вести себя, явившись в банду диверсантов.

И, обратясь к Осипову, приказал:

— Займись вместе с ним изучением показаний арестованного. Если потребуется что-либо уточнить, вызовите Вересова из камеры, допросите еще раз.

— Вересов может догадаться о нашей затее, — не впопад заметил я.

— Очень вероятно. Но мы не собираемся его выпускать. Чего же опасаться? — Он, внимательно посмотрев мне в глаза, спросил: — Ты не передумал?

— Да нет же, нет!..

— Прекрасно. Закажите себе ужин. А я пока узнаю у начальника транспортного отдела, когда со сливной станции отправляются пустые составы цистерн. — Сергей Александрович взялся за телефон и, получив нужную справку, сказал: — Тебе удобнее ехать на составе, уходящем в половине четвертого утра. Занимайтесь протоколом, а я съезжу домой и вернусь часам к трем.

Допрос Вересова, подробный и логичный, дал мне хорошую подготовку. И все же пришлось арестованного вызывать еще раз. Мне хотелось послушать, как бы Вересов сам отвечал сотнику на его вопросы. Отправив его обратно в камеру, Осипов не менее часа экзаменовал меня, задавая каверзные вопросы. Делал он это мастерски. Гоняя меня, не разрешал заглядывать в протокол допроса.

Когда без четверти три начальник вернулся из дому, он еще застал нас за разговорами и некоторое время внимательно прислушивался к моим ответам. Наконец, видимо, удовлетворившись ими, он в который раз напомнил, чтобы я не разрешал сотнику расспрашивать себя. Чувствовалось его беспокойство за исход дела. Он не мог этого скрыть, хотя и улыбался.

— Сыграю роль как надо, — обещал я. — Еще в

двадцатом году, работая в губкоме комсомола, принимал участие в театре рабочей молодежи. — Спокойствие и уверенность овладевали мною.

Обсудили мой костюм, в котором надлежало явиться в группу сотника. Из вещей арестованного я должен надеть куртку и сапоги. Сверху будет старый, изрядно поношенный плащ и потрепанная кепка. Осипов завернул крестик в клеенку, вложил в каблук, приклеив его к сапогу резиновым клеем, принесенным из гаража. Шифрованную записку вложили на старое место в потничек, пришив его под мышкой левого рукава куртки.

Наш выдавший виды «газик» уже стоял у подъезда; Николай дремал, положив голову на баранку руля. Сергей Александрович сел рядом с шофером, а я с Костей на заднем сиденье, и мы отправились на сливную станцию. У ворот нас ждал начальник транспортного отдела. Под непрекращавшимся дождем, по плохо освещенной территории, почти сплошь загроможденной многочисленными составами цистерн, стоявших на параллельных путях, он повел нас куда-то в темноту. Земля остро пахла нефтью. Сокращая путь, мы подлезали под вагоны длинных составов, пока не добрались до готового к отходу поезда, в голове которого тяжело отдувался паром паровоз. Я влез на тормозную площадку хвостовой цистерны, выслушивал последние наставления зампреда; начальник транспортного отделения ходил к паровозу и уславливался с машинистом о торможении у станции Кобулет и сигналах для меня. Он уже шел от паровоза, когда Сергей Александрович сказал мне:

— Не скрывай от них, что у тебя оружие. В случае необходимости стреляй первым, помни наше правило! — Слова он сопровождал энергичным жестом.

— Их там много, — невольно вырвалось у меня.

— Все равно стреляй первым, мы будем поблизости.

«Как бы вы ни были близко, у них хватит времени разделаться со мной», — про себя подумал я.

Подошедший начальник транспортного отделения сказал, что замедление поезда машинист обозначит двумя короткими свистками. Я пожал протянутые руки. Паровоз дал отходной свисток, и состав тронулся с места, гроыхая на многочисленных стрелках. Выведа состав из путаницы станционных разветвлений, машинист увеличил скорость. Вагонные тележки застучали на стыках рельсов, их стук гулко отзывался в пустых цистернах. Вскоре все слилось в сплошной гул. На открытой площадке хлестал дождь. Дул порывистый ветер. Укрыться было негде. Хвостовой вагон сильно качало из стороны в сторону, и я вцепился в железные поручни, обильно смазанные нефтью, пропитанной дорожной пылью. Чтобы устойчивей держаться на мотающейся площадке, я сел, спустив ноги на верхнюю ступень.

Не останавливаясь, состав проскочил Махинджаури, нырнул в темный туннель у Зеленого мыса, где меня обдало вонючим дымом из паровозной трубы. Гул усилился туннельным эхом, но зато на несколько минут стало теплей. Состав опять выехал на открытое место, шел вдоль морского берега. Дождь и ветер обрушивались на меня; косые струи дождя хлестали, будто тонкие ветки деревьев. Мы проехали Цихис-Дзири, где железнодорожный путь отходил от берега моря.

Начинался мутный рассвет ненастного дня. Вдали показались слабые станционные огни Кобулет и более отчетливо зеленый глазок входного семафора. Я услышал два коротких свистка: начиналось замедление; заскрежетали тормоза. Предстояло прыгать. Скорость все еще казалась большой, когда я опустил на последнюю ступеньку площадки. Послышались опять два коротких свистка — замедление оканчивалось. Надо прыгать.

Вдоль железнодорожного полотна сплошной полосой росли густые кусты. Они неслись мимо меня. Я прыгнул, машинально зажмурив глаза. Мне повезло — ни

столбик, ни камень, скрытые в кустах, не тронули меня. Несколько секунд я лежал, ощупывая руки и ноги, проверяя, на месте ли закрепленный подмышкой пистолет. Все оказалось в порядке. Два красных огонька хвостовой цистерны скрывались вдаль вместе с затихающим грохотом поезда. Тихий, ровный и приятный шум дождя нарушал предрассветную тишину.

Выбравшись из кустов, я стряхнул уже насквозь промокший плащ, пожертвованный мне нашим шофером Николаем из каких-то тайных запасов в его гараже, и зашагал по дороге, ведущей к станции, находившейся шагах в двухстах от места моего падения. От нее прямо к морю вела единственная, довольно широкая улица, в этот час совершенно безлюдная. Обычно дома аджарских крестьян стояли по обеим сторонам дороги. Ставни домов наглухо закрыты, и впечатление какой-то странной необитаемости царило в поселке, малонаселенном и тихом. В одном доме из трубы лениво струился тонкий столбик дыма, прибываемого дождем к крыше. На немощенной улице, покрытой морской мелкой галькой, стояли большие неглубокие лужи, рябившиеся под дождем.

Медленно переставляя ноги, я раздумывал о предстоящей встрече с диверсантами. Тревога заползала в душу. Я прибавил шаг, в который раз вспоминая биографию Вересова. А вдруг агент БРП что-то умышленно скрыл? Крепче прижал локтем к боку кольт, патрон был загнан в ствол, спуск стоял на предохранителе, пошел смело. Восемь двенадцатимиллиметровых пуль делали пистолет серьезным оружием. Я сумею быстро выхватить его, чтобы в случае необходимости стрелять первым. А сколько может быть диверсантов? Двое, трое, ну четверо. А если больше? Больше, чем патронов в обойме? Перезарядить пистолет уже не успеть. Выбросить пустую обойму и вставить новую? Нет, не успею. Эти люди тоже бывалые.

Сумбурные мысли проносились в моей голове, уверенность сменялась сомнениями. Но пути назад для меня не было.

Я дошел до конца улицы, где она переходила в галечный берег, о который с шумом разбивались штормовые волны. Узкая полоса высоких карагачей отделяла проселочную дорогу от открытого пологого спуска к морю — начинался прибрежный лес. Штормовые волны обрушивались на берег, гоня вверх и вниз обкатанные глыбы из гранита и мрамора. Неширокая полоса деревьев все же защищала меня от порывов холодного ветра и сильных струй дождя. Здесь, на лесной дороге, было значительно теплей. Терпкие от гниющих листьев запахи окружали меня. Они успокаивали. Вокруг — никого. Неистовые порывы ветра налетали на вершины. Многолетние карагачи натужно скрипели.

Те, кого я искал, были где-то здесь, недалеко, на какой-то постройке. Дорога с глубокой колеей должна привести меня к цели. Так прошагал я километра два. За изгибом дороги, метрах в двадцати от нее, неожиданно увидел человека. Он обрубал сучья с лежавшего на земле ствола дерева. Заметив меня, всадил топор в ствол и не спеша направился к дороге. Пробуравив меня взглядом черных глаз, он остановился. Это был кубанец, вероятно, казак. Ничего удивительного: много людей, мужчин и женщин, осенью приходило на побережье с Кубани на заработки. Здесь с каждым годом увеличивалось строительство. Человек был высок, с казацкими усами, в неизменной черной кубанке на голове, в обычном тогда для всех стеганом военном ватнике. Слегка кривые ноги выдавали в нем кавалериста. Подойдя к нему вплотную, я поздоровался, стаскивая с головы промокшую кепку. Казак не сразу ответил. Расправив усы и потерев щеки, еще несколько секунд разглядывал меня.

Я спросил, далеко ли постройка.

— Не, недалеко, километра полтора. Прямо по дороге разом дойдешь. Курево есть? — закончил он.

Достав начатую пачку папирос, я протянул ему. Закурили. Он сделал несколько затяжек, продолжал расспросы:

— А ты шо, наниматься?

— Угу...

— Столяр аль плотник?

— Плотник...

— Что ж, поняй по дороге, там бригадир...

Приподняв кепку, я не спеша зашагал дальше. Некоторое время до меня еще доносились удары его топора, но вскоре они оборвались. Мне вспомнилось, как мы с пограничником Арчилом Брегвадзе ловили контрабандиста, только случайно не подстрелившего меня. И остудило мое слепое стремление к рискованным приключениям. Я понял, что борьба с врагами Родины сопряжена с риском, в котором нет места спортивному азарту. Риску нужен трезвый расчет. Но борьба, конечно, таит в себе риск быть убитым.

Продолжая шагать по лесной дороге, я прошел нужные полтора-два километра, когда лес расступился, открылась большая вырубленная поляна. Тут находилась постройка с наполовину возведенными стенами из крупных галечных серых кирпичей. Часть кирпичей лежала на земле в деревянных формах. В стороне стоял дощатый барак с большим навесом, под ним несколько грубо сколоченных столярных верстаков. Валялись бревна возле небольшого штабеля досок, кучи стружек. В подслеповатом окошке барака светился огонек керосиновой лампы. Из трубы вился дымок. У барака стояла покрытая попоной пегая лошадь, запряженная в обычную для этих мест повозку. Серые галечные кирпичи, повозка, пегая лошадь мгновенно оживили во мне воспоминания о диверсии на нефтеперегонном заводе. Такие кирпичи Костя Осипов обнаружил у основания

сгоревшего бака. А разве стрелок охраны не говорил о повозке и, кажется, пегой лошади?..

Я замедлил шаг. Осмотрелся: слева поляна рядами карагачей отделялась от морского пляжа, справа за полосой леса, в километре, поднималась железнодорожная насыпь, а за ней, еще в километре, — горный склон, также покрытый лесом, и темные провалы ущелий, уходящих к границе. В случае тревоги диверсанты легко могли там скрыться: горные тропы и никаких дорог. Удобное место выбрал сотник, ничего не скажешь.

Отчетливо вспомнилось событие восьмилетней давности — лето 1919 года. К Харькову подходили белые — армия Деникина. Первыми в город ворвались кубанские казаки. Крутя над головами сверкавшие на солнце клинки шашек, стреляя в воздух, они промчались по окраинным улицам к центру. Мы, человек десять комсомольцев из военизированного отряда «Юный коммунист» (нас сокращенно называли «Юки»), уходили из города. Решили идти к Донцу и возле городка Змиева скрыться в деревне у родственника одного из членов нашего отряда. Собирались действовать в тылу у белых. Ни от кого мы не получали такого задания, у нас не было связи с партийным подпольем, но мы твердо верили, что Красная Армия вернется и прогонит белых. Голодно жили в лесу. Спустя полгода, в декабре 1919 года, белые были разгромлены и бежали, а мы незадолго до этого, не вытерпев холодов и голода, тайком пробрались в город. Там я увидел передовой отряд буденновцев. На разгоряченных конях они мчались по пустынным улицам притихшего города. От радости я целый квартал бежал рядом с конниками, протягивая им руки, ловя их улыбки. Мне хотелось дать им что-нибудь — цветок, яблоко, но у меня ничего не было.

Я приближался к барaku, чтобы лицом к лицу сойтись с группой диверсантов. Быть может, кто-то из них был в том казачьем разъезде, что летом 1919 года пер-

вым ворвался в Харьков, размахивая сверкавшими клинками.

Меня заметили из барака. Оттуда вышел человек и остановился у верстаков под навесом. С безразличным видом он набивал трубку. Я подошел к нему, поздоровался, почесав висок концом среднего пальца, как бы намереваясь отдать честь. Это был опознавательный знак, которым я должен был объявить себя. Узнав о нем из допроса посланца Кутепова, Осипов сказал, что это у них, наверное, от масонов, обменивавшихся всякими таинственными и незаметными для посторонних жестами. Покуривая, вышедший мне навстречу человек все еще молча смотрел на меня. На ладони левой руки у него были намотаны черные четки с круглой бляшкой и вырезанным на ней крестом. Это был его опознавательный знак. Сотник был передо мной. Посмотрев по сторонам, я, не произнеся пароля, сказал:

— Бригадира бы мне...

— Я бригадир. Чего надо? — грубовато ответил он.

— Насчет плотницкой работы...

И опять сотник молча смотрел на меня, явно ожидая чего-то.

— Петр Андреевич из Краснодара послал меня к вам, — произнес я немудреный пароль, покручивая простое серебряное кольцо на указательном пальце, полученное от арестованного.

— Давно я не видел Петра Андреевича. Вы с первой весточкой от него, — без задержки произнес он.

Так произошел обмен паролями и опознавательными знаками. Сотник повел меня в барак. Там за чисто выструганным столом завтракали шесть человек. К моему удивлению, тот, что повстречался мне в лесу, тоже был там. Он успел незаметно обойти меня и предупредить остальных. Служба наблюдения неплохо поставлена в этой группе.

«Семь человек», — подсчитал я про себя. В моем

кольте восемь патронов, даже один лишний на всякий случай. Если уж придется стрелять, то надо бы без промаха...

Все поднялись, встали по стойке смирно, по-офицерски кивнули мне головами, и пятеро по знаку сотника вышли из-за стола. Только один, с подвязанной щекой, остался. Поднеся руку к козырьку кепки, я ответил на их приветствие. Осмотрев углы и не найдя иконы, снял кепку и перекрестился на пустой угол.

Рассмотреть каждого в отдельности я не успел. Все они показались мне на одно лицо: черные усы, сухие, костистые лица, широкие плечи, непокорные шевелюры, чуть тронутые на висках сединой. Что ж, разглядеть каждого из них я смогу после их ареста, на допросах. Передо мной были враги, быть может, поэтому они казались мне на одно лицо и к тому же сильнее, чем были. Неукротимые в своей враждебной слепоте.

Из общей комнаты барака сотник провел меня в свою небольшую каморку, отгороженную дощатой перегородкой. Сотник был старше других — ему было под пятьдесят. Крепок, кряжист, выше среднего роста, скуласт, усы с проседью, виски тоже, густые брови, из-под них пылливо смотрят карие внимательные глаза. Резко очерченное, волевое лицо говорило о решительном характере. Сильный партнер попался мне в рискованной игре! Не скрою, на мгновение ледяная рука страха коснулась моего сердца.

— Как вас величать? — спросил сотник, пододвигая табуретку и приглашая сесть.

— Прапорщик Леонид Петрович, называйте так. Фамилию не положено называть...

— Как и истинное имя, — с улыбкой, мгновенно промелькнувшей на его суровом лице, проговорил сотник.

Мой мокрый плащ он повесил на вбитый в стенку деревянный колышек, а затем сел за небольшой стол,

вплотную стоявший у окна. Я снял куртку и, взяв лежавший на столе остро отточенный сапожный нож, отпорол потничек, достал из него зашифрованную записку на шелку и протянул ему:

— Это вам от генерала. Прошу расшифровать и без задержки написать подробное донесение о действиях вашей группы. Мой танкер отойдет после полудня, он уже стоит под наливом. Как видите, время у нас в обрез.

— Я уже знаю, вы второй, навестивший нас по приказу генерала. Хотелось бы поговорить по душам, — с горечью проговорил он.

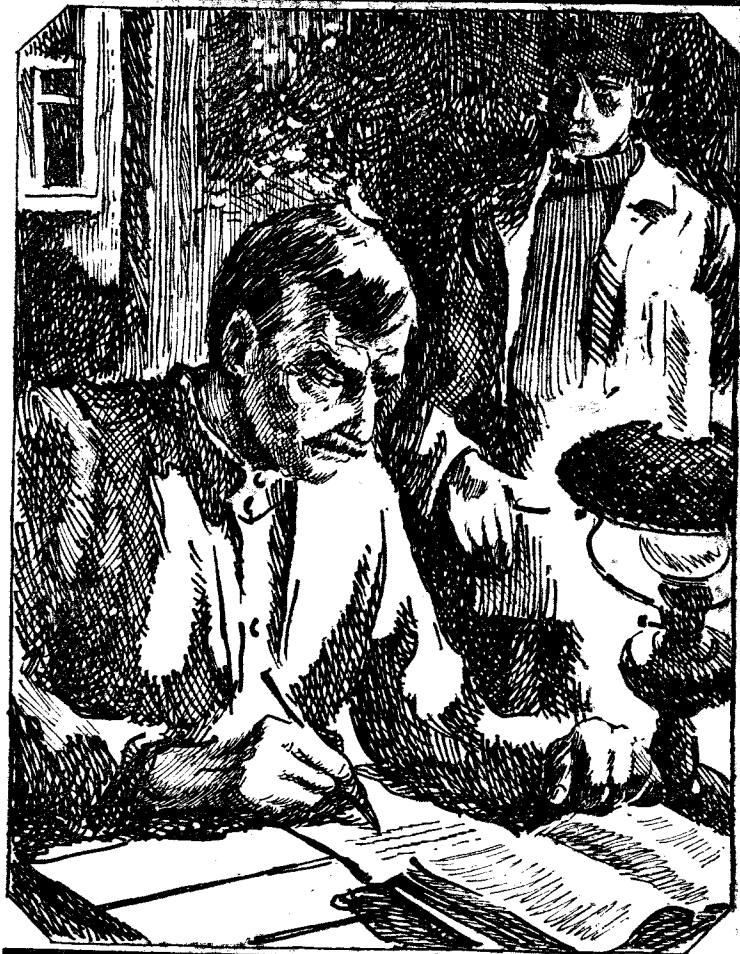
Поднявшись, он переставил табурет к стенке, встал на него и из-под застрехи достал какую-то толстую книгу, служившую для зашифровки и расшифровки донесений, а также маленькую книжечку папиросной бумаги для скручивания сигарет и остро заточенные карандаши. Садясь за расшифровку генеральского послания, сотник все же успел задать мне несколько вопросов о двух своих бывших соратниках, находившихся в эмиграции. Их имена и фамилии мне были известны из показаний посланца БРП. Я сказал, что оба интересующих его офицера работают шоферами такси в Париже, оба женаты на русских, имеют детей; с ними я встречался лишь в церкви на улице Дарю, а дома у них бывать не довелось.

— Видите ли, — сказал я, — готовясь к поездке, я не встречался с лишними людьми, да я и не жил последние месяцы в Париже. Таковы уж железные законы конспирации при подготовке к нелегальной поездке в Россию. Риск большой...

— Да, да, — подхватил мой собеседник, — понимаю, это необходимо.

Он хотел еще что-то сказать, но я предупредил его:

— У меня имеется к вам важное поручение. — Я быстро поднялся, снял с левой ноги сапог, отделил

ножом каблук, достал из него крестик и, взяв его за ленточку, торжественно произнес положенную при этом фразу, сообщенную Вересовым: — Его высокопревосходительство генерал-лейтенант Кутепов, председатель Российского общевойскаского союза, награждает вас этим крестом имени господа нашего Иисуса Христа... — Я приколот к ватнику сотника, стоявшему по стойке «смирно». Он был взволнован и растроган вниманием далекого начальства и, проглотив подступивший к горлу ком, произнес:

— Передать генералу, что я и мои люди не пожалеем живота своего в борьбе за святое дело спасения России от безбожников большевиков!..

— Можете показать награду своим людям, — сказал я, отступая от двери, давая ему возможность пройти в общее помещение барака.

Через открытую дверь я видел: все пятеро были там. Они поздравили его, подходили по очереди, рассматривая награду, и по его знаку все вышли из барака наблюдать за окрестностями и предупредить в случае какой-либо опасности или приближения подозрительных посторонних лиц. Казак с подвязанной щекой остался в бараке.

Когда сотник вернулся в свою каморку, я еще раз напомнил ему о необходимости торопиться — написать донесение генералу.

— Сажусь, сажусь, — произнес он, не задавая мне больше никаких вопросов, предложив лишь позавтракать.

Я согласился. Выйдя в общее помещение, он приказал человеку с подвязанной щекой накормить меня. Я подумал, что тот будет расспрашивать меня, но ошибался: в группе сотника существовала железная дисциплина.

Казак подбросил в печь сухих щепок, поставил на плиту черную чугунную сковородку. Из небольшой кад-

ки достал кусок свиного сала, завернутого в чистую холстинку, и, нарезав тонких кусочков, бросил их на сковородку. Когда сало зашкворчало, он разбил о край сковороды полдесятка яиц. Быстро доспевшую яичницу поставил передо мной на стол, рядом положил разломанную надвое пшеничную лепешку и алюминиевую ложку. В стаканчик из мутноватого зеленого стекла налил крепчайшей местной виноградной водки — раки. Прodelав все это, молча отошел в сторону.

Чертовски горячую яичницу я ел, едва не давась, желая только одного, чтобы сотник скорее окончил свое донесение. Справившись с яичницей, я пригубил раки, казак налил мне крепчайшего чая в жестяную кружку. Из деревянного туеска достал кусок колотого сахара и на ладони разбил его на несколько кусочков тыльной стороной большого кухонного ножа.

Допив чай, я поднялся, перекрестился на пустой угол и, поблагодарив, закурил. Так и сидел, курил папиросу за папиросой и молча смотрел в окно, за которым не прекращался дождь и всюду на строительной площадке стояли лужи.

Приоткрыв дверь каморки, сотник пригласил меня войти. Донесение он написал на небольших листках папиросной бумаги, вырванных из книжки. Тут же лежал точильный брусок, о который он тонко затачивал карандаши. Почерк мужчины был по-женски мелким и четким. Написанные листки он накрутил на тонкую деревянную спицу, засунул их в картонный мундштук недокуренной папиросы.

— Держите в зубах. В случае опасности съешьте...

Я похвалил такой простой и надежный способ хранения секретного донесения.

— Счастливо оставаться, ваше благородие! Мне пора! — Я показал на приколотый к его ватнику наградной крест, давая понять, что должен забрать его. Он бережно отстегнул награду и передал мне. Когда же я

опять завернул ее в клеенку и вложил в отверстие в каблуке, сотник взял мой сапог и быстро приколотил каблук тонкими гвоздями к подошве.

Все было готово. Я встал. Сотник перекрестил меня на прощание, и мы троекратно расцеловались, как принято по русскому обычаю.

— Дать вам провожатого до станции?

— Пожалуй, не стоит.

— Как знаете. В лесу мои люди подстрахуют вас.

Чтобы не вызывать подозрений, мне не следовало отказываться от предложенной подстраховки, и я согласился: будет лучше. Но вдруг наши люди уже находятся где-то поблизости и обнаружат подстраховщиков?

Троекратно перекрестившись, я тронулся в обратный путь. Пребывание у диверсантов оказалось кратковременным и не очень сложным...

Ноги легко несли меня. Теперь никто из товарищей не будет смотреть на меня как на «зеленого» чекиста.

Подстраховщики ничем не проявляли своего присутствия, пока я шел по лесу. Ощущение их скрытой близости не оставляло меня. В зубах я держал недокуренную папиросу с донесением.

Пройдя лес, я вновь оказался на улице, ведущей к вокзалу, и быстро прошел ее. На дороге, вблизи того места, где я спрыгнул с поезда, стояли три автомашины: легковая и два грузовика. В скрытых кузовах сидели вооруженные пограничники. Издали я увидел голенастую фигуру заместителя председателя ГПУ, шагавшего по дороге. Завидев меня, он заулыбался и поспешил навстречу.

— Рассказывай быстрее, сколько их там?

Я вынул окурок изо рта и протянул ему:

— Вот, внутри мундштука донесение генералу Кутепову.

— Здесь? — с недоумением переспросил он, беря

мундштук. — Сколько же их там? — Он спрятал полученный от меня окурок в карман.

— Семь казаков. Все вооружены, кроме пистолетов, наверное, есть ручные гранаты.

— Не без этого, — усмехнувшись, проговорил Сергей Александрович, направляясь к машине.

— Имейте в виду, у них добрый путь отхода через насыпь в горные леса к границе, — добавил я.

— На дрезине туда отправилась уже группа транспортников. Поезжай отдохни, сходи в баню, выпишь хорошенько.

— Я хотел бы пойти с вами брать их.

— Нет! Возможна перестрелка, они будут стрелять в тебя. Не искушай судьбу дважды.

Через час на первом местном поезде я добрался до Батуми. Крепко попарившись в бане, пришел домой и, повалившись на постель, мгновенно уснул. Проснулся под вечер и сразу же отправился в управление. Там Осипов, на этот раз изменив своему обыкновению, без всякой иронии, серьезно рассказал мне, как они брали группу сотника.

— Нас было человек сорок, — начал он. — На большой скорости домчались до поляны, вплотную подъехали к бараку, окружили его. Бандиты были внутри. Заблокировали единственную дверь, высадили оба окна. Увидев наведенные на них автоматы и винтовки, сотник первым поднял руки. Сергей приказал им по одному выходить из барака, сдавать оружие. Ну вот и все. Обошлось без стрельбы.

Следствие по группе сотника вели сам начальник и Костя, который и на этот раз блеснул своим аналитическим умом. Так, допрашивая казака с подвязанной щекой, он спросил, сильно ли у того болят зубы, и, получив утвердительный ответ, немедленно вызвал зубного врача. Не прошло и часа, как стоматолог, осмотревший полость рта казака, признал его зубы совершенно

здоровыми. Костя попросил дать об этом подробную письменную справку. Вызвали арестованного.

— Зачем вы подвязали щеку, если зубы у нас не болят? — строго спросил Костя. — Это маскировка после того, как вы привезли на нефтеперегонный завод взрывчатку с кирпичами. Верно? Лошадка-то с повозкой, на которой кирпичи привез, стоит у нас во дворе. Ну так как с зубами? Повязку можно снять.

Арестованный был прямо-таки потрясен. Он не мог предположить, что слышит всего лишь умозаключения следователя, ему казалось, что Осипов все узнал о нем из каких-то точных источников. Не давая опомниться, Осипов задавал один вопрос за другим, получал подтверждения, записывал их в протокол и таким образом во всех деталях выяснил обстоятельство доставки взрывчатки на завод. Рассказ арестованного об устройстве взрывного снаряда, способе укладки привезенных кирпичей, чтобы получить направленный взрыв, и другие подробности дополнили общую картину диверсии.

Я спросил у Константина, почему он подумал, что именно этот тип привез взрывчатку на завод. Он положил на стол листы протокола допроса и ухмыльнулся.

— Видишь ли, когда я оказался на строительной площадке в лесу, где подвизалась группа сотника, то сразу обратил внимание на серые кирпичи, изготавливаемые там, на месте, а затем увидел обыкновенную повозку и пегую лошадь. Все время я думал об этом. Уже там, в Кобулеті, был уверен, что взрыв на заводе — их рук дело. А тут еще подбородок, подвязанный платком, закрывавший чуть ли не половину лица.

Ход мыслей Осипова становился мне понятным, и во всей своей дальнейшей работе я старался применить и использовать данный им мне урок логики.

Главной фигурой на следствии был сотник. Его решили допрашивать последним.

Сотник, которого мы не вызывали на допрос на протя-

жении десяти дней после ареста, раздумывал над причинами провала всей группы. Он не был уверен в высоком интеллекте ее членов. Предъявленные сотнику показания группы, расшифрованный доклад Кутепову — это кольцо неопровержимых доказательств. Сотник знал, что за свое преступление мог ожидать приговора, предусматривавшего одно из двух: десять лет заключения или высшую меру. Откровенные признания были единственно возможным выходом, дававшим надежду на сохранение жизни. Десять лет не такой уж большой срок для человека среднего возраста.

Он рассказал о себе все: офицер кубанской казачьей кавалерии, провел на фронте все годы войны (1914—1917) и с первых же дней начавшейся гражданской войны примкнул к белому движению. Известный генералу Шкуро, состоял в его личной сотне, получившей название волчьей. Это была не столько личная охрана кровавого казачьего генерала, сколько карательный орган, запятнавший себя множеством преступлений.

Сыпной тиф свалил его в дни разгрома остатков деникинской армии и бегства ее частей из Новороссийска. Присвоив себе документы одного умершего из рядовых казаков, он затерялся среди тысяч сыпнотифозных больных. Два года прожил на нижней Волге, кочуя по деревням как искусный коваль лошадей. Вернулся на Кубань, где, как тлеющие угли под пеплом потухшего костра, притаились контрреволюционные элементы. У него родилась надежда на оживление белого движения за восстановление прежних привилегий казачьей верхушки. Найти единомышленников было нелегко. По указанию генерала Кутепова сотник со своей группой перебрался на побережье, добрался до Аджаристана, получив важное задание — уничтожить Батумский нефтеперегонный завод, единственное в то время в Закавказье предприятие, работавшее на экспорт. Диверсия этой группы не удалась.

АГЕНТ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕЛЕГРАФА

1

Апрель 1929 года. Беззвездная ночь. Легкий ветер гонит волны на пологий галечный пляж. С тихим шорохом скатываются мелкие камешки за убегающей волной.

В сторону Сухуми прошел дозорный катер пограничной охраны. Едва его фосфоресцирующий след растаял вдали и заглох хриловатый выхлоп мотора, как в трех кабельтовых от берега из воды высунулся перископ подводной лодки. Его стеклянный глаз вращался по кругу, осматривая берег и море. Потом показалась невысокая рубка лодки. Быстро откинулась крышка люка, и три человека вылезли на мостик. В большие ночные бинокли они всматривались в берег и море.

На шоссе, у автобусной остановки, на столбе горел электрический фонарь, а правее, выше, на горном склоне, где начинались монастырские постройки, светилось окно в домике привратника. Для подводной лодки, прокравшейся к берегу, два этих огня были знаками к условленному месту встречи.

В кабельтове от берега лодка остановилась.

Шел третий час ночи.

На мостике дважды блеснул зеленый огонек, и тотчас, как светлячки, таких же два зеленых огонька вспыхнули в кустах на берегу. И вслед за тем из-за большого камня, что лежал у кустов на краю пляжа, появился человек. Неизвестный быстро скинул одежду, смазал тело жиром, надул насосом автомобильную камеру и по-пластунски пополз к воде. Он вошел в море, далеко забросил насос и с камерой, надетой под мышки, быстро поплыл к подводной лодке.

Приплывший произнес пароль, из переданной ему бутылки сделал несколько глотков рома и, все еще содрогаясь от озноба, быстро сказал, что братья Эмухвари убиты в стычке с чекистами, их сподвижники выявлены и арестованы... Больше никто не придет на встречу с подводной лодкой.

Человек сделал еще два глотка рома и пустился в обратный путь к берегу. Почувствовав под ногами дно, остановился, прислушиваясь. Затем, выпустив воздух из камеры, пробежал до кустов, к светлomu камню, быстро оделся. Его настороженный слух уловил в отдалении мерный хруст гальки под чьими-то шагами.

Два пограничника, один за другим, прошли по пляжу. Их шаги слились с шумом наката. Человек, притаившийся в кустах, выждал еще несколько минут, вышел на шоссе и, пройдя с сотню шагов, свернул на дорожку, поднимавшуюся к дому привратника, в котором по-прежнему ярко светилося окно.

У дома он осмотрелся и тихо постучал в окно.

— Кто там? — раздался старческий голос за дверью.

— Свои, отец Пафнутий...

Дверь тотчас открылась. Приглядевшись к стоящему за дверью человеку, Пафнутий удивленно спросил:

— Никак Алексей Авдонин? Откуда? Где пропадал?

Увидев в комнате еще одного человека, тоже старика, пришелец приложил палец к губам.

— Отец, тут недалеко у меня спустила камера, а сменки нет. Ночью чинить несподручно... Зашел к тебе отдохнуть до утра...

— Проходи, проходи... А ты, Нифонт, иди с богом.

— И то, брат Пафнутий, засиделся я у тебя... пойду. — И старик направился к двери, обходя незнакомца, кланяясь ему и улыбаясь.

На безмолвный вопрос пришедшего привратник сказал:

— Нифонт из наших бывших монашей, придурковатый, признал антихристову власть, служит теперь у них в совхозе рыбаком, живет там, на берегу, в лодочном сарае, жалованье получает, паек... Восьмой десяток пошел ему. Вот рыбки принес мне...

Ночной посетитель слушал внимательно. Он покопился на входную дверь, приоткрыл ее и выглянул наружу в ночную темень. На белевшей дорожке, ведущей вниз к шоссе, уже никого не было.

— Отец Иосаф предупреждал тебя обо мне?

— Как же, говорил, придет к тебе человек, прими. Но никак не ждал тебя... Кажись, года четыре аль пять, как пропал ты отседова. Где тебя носило?

— Носило, — неопределенно ответил пришелец. — Вот пришел и не пришел! Понятно?

— А как же, не впервой, не сумлевайся. Отцу Иосафу сказать?

— Если спросит. Подбрось угля в печку, озяб я. Обогреюсь и уйду.

В начале четвертого ночной посетитель спустился на пустынное шоссе, прошел с полкилометра в сторону Гудаут. За полосой кустов и редким рядом тополей вплотную к ним стоял лодочный навес с пристроенной к нему маленькой хибаркой. В ней жил старик Нифонт. Из трубы струился дымок. Старик топил печку. Сквозь

подслеповатое окошко с мутным, давно не мытым стеклом было видно, что сидит он на корточках у открытой дверцы топки. Бросив быстрый взгляд вокруг, человек поднял пистолет, прицелился и нажал на гашетку. Негромкий звук выстрела, скорее похожий на свист при ударе хлыстом, слился со звоном разбитого стекла. Стрелявший увидел, как старик повалился навзничь. «Готов!» — прошептал он и не спеша вышел на пустынное в этот ранний час шоссе, зашагал в сторону Сухуми.

К семи часам утра он уже был в городе.

2

Почувствовав тупой удар в плечо, Нифонт повалился на пол. Но, когда услышал груст гальки под шагами убежавшего человека, поднялся, ощупал начинавшее неметь плечо, увидел кровь и понял, что ранен.

«Уж не гость ли Пафнутия угостил меня? Должно быть, он. Кому ж еще», — думал Нифонт.

Плечо болело, начинало опухать, но крови было мало, и отверстие, куда вошла пуля, было небольшим, как если бы кто ранил его большим гвоздем. Нифонт подвигал рукой, покрутил, ощупал со всех сторон и выходного отверстия не нашел.

Обвязав мокрой тряпичей распухающее плечо, Нифонт лег под окном на пол. Стрелявший мог вернуться, затаиться в темноте. Нужно было ждать утра. Лежал тихо, прислушиваясь к звукам снаружи.

Рассвет наступал быстро.

Нифонт поднялся и вышел на шоссе. Из-за поворота показалась грузовая машина. Знакомый шофер, узнав его, затормозил.

— Здорово, батя, в город собрался?

— Подвези до базара.

Рядом с шофером в кабине сидела женщина, и ста-

рик, ухватившись здоровой рукой за борт, залез в кузов и лег там среди каких-то тюков.

На базаре он слез. Было еще рано. Потолкался в толпе, выпил крепкого чая в чайной и к девяти часам был в погранотряде. Зайдя в комендатуру, он попросил дежурного позвонить Паршину, оперативному уполномоченному, который, приезжая в Новый Афон, всегда встречался с ним.

Паршин спустился в комендатуру.

Старик был очень бледен и едва стоял на ногах.

— Что с вами, Нифонт Фадеевич?

— Ночью кто-то стрельнул в меня через окно, — ответил Нифонт и в изнеможении опустился на скамью.

Паршин не стал больше ни о чем расспрашивать раненого и повез его в больницу. Хирург, осмотрев рану, решил тут же прооперировать и удалить застрявшую пулю.

Когда часа через три Нифонт проснулся в больничной палате, то первым, кого он увидел, был все тот же Паршин, сидевший у его кровати.

— Как чувствуете себя, Нифонт Фадеевич? — спросил он. — Сможете рассказать, что и как все произошло?

Не упуская ни одной подробности, старик вспомнил обо всех событиях прошедшей ночи и под конец спросил:

— Пулю-то вынули?

— А как же, вот она, — и Паршин достал из кармана пакетик, показав завернутую в него маленькую продолговатую свинцовую пульку от патрона, которыми обычно стреляют в тирах из мелкокалиберных винтовок и пистолетов. — Ваше счастье, что пуля прошибла доску стола, была ослаблена и поэтому застряла в плече, а то могла пробить кость, глубоко войти в грудь, даже проникнуть в сердце. Повезло вам.

Паршину нужно было срочно написать председателю

Абхазского ГПУ донесение о случившемся. Прежде чем расстаться с Нифонтом, он еще раз спросил:

— Это точно, что пафнутьевского ночного гостя зовут Алексей Авдонин?

— Точно, не сумлевайтесь, — подтвердил старик.

— Пафнутию вы ничего не говорили еще?

— Нет, ничего, я к нему утром и не заходил, а прямо поехал к вам.

— Правильно сделали. Продолжайте заходить к нему, но сами разговоров об этом Алексее не заводите, не давайте никакого повода для подозрений.

На этом они расстались, и старик вечером того же дня на рейсовом автобусе вернулся в Новый Афон. А Паршин, написав подробное донесение, навел справки в милиции и получил подтверждение, что Алексей Авдонин действительно служил в Автотрансе шофером на грузовой автомашине, но четыре года назад уволился и выбыл в неизвестном направлении.

3

К сообщениям, поступившим из Абхазии, у нас в Аджарском ГПУ всегда относились с повышенным вниманием. Многочисленные факты убедительно говорили, что осевшие в двух соседних республиках контрреволюционные элементы тесно связаны и используются иностранными разведками. Недавняя же диверсия на Батумском нефтеперегонном заводе и арест активной группы сотника в Кобулеті лишь подтверждали попытки иностранных разведок активизировать свою деятельность. Ко всему Батумский район представлял для наших врагов интересы с военной точки зрения.

Вскоре после получения из Абхазии ориентировки о шофере Алексее Авдонине с Украины нам сообщили о

возможности пребывания в Батуми некой молодой женщины, по профессии медицинской сестры, намеревающейся нелегально бежать за границу. Кроме внешних примет, не было известно ничего. Это могло быть и правдой и слухом, пущенным кем-то в целях дезинформации. Бывало в нашей практике и такое. Тем не менее мы обязаны были заниматься проверкой.

Дело это поручили мне и моему товарищу Валентину Щекотихину, тоже молодому чекисту. Наш начальник, Константин Осипов, особо не выделял нас, сказав, чтобы мы занялись «прояснением» этих материалов, так как ничего более серьезного пока для нас нет. По стажу работы Валентин Щекотихин был на год старше меня, и пребывание в таком «боевом» месте, как Батуми, лишний год давало ему возможность накопить несколько больший опыт.

Худенький, шустрый, Валентин казался еще моложе своих двадцати трех лет. Ходил он быстро, как бы толчками, готовый в любой момент сорваться на бег. Он явно старался подражать Осипову, предпочитая не носить военную форму. Однако при всех своих, казалось бы, мальчишеских замашках и привычках Валентин очень вдумчиво относился к порученному делу.

Сперва мы попытались отыскать в Батуми Алексея Авдони́на. Несколько дней с утра и до вечера внимательно просмотрели все архивные дела на шоферов за последние пять лет. Для этого нам потребовалось побывать в отделах кадров учреждений и рыться в делах милицейской автоинспекции. Шоферов по имени Алексей мы установили много, но по приметам, сообщенным Нифонтом, никто не походил на ночного гостя. Этим мы исчерпали все имеющиеся возможности и вынуждены были пока заняться поисками молодой особы, якобы намеревавшейся бежать за кордон.

Мы решили начать с изучения архивных материалов ГПУ, касающихся нелегальных переходов границы жен-

щинами. Таких дел за время с 1922 по 1929 год мы нашли всего четыре. Характерным в них было то, что ни одна из этих женщин не пыталась перейти сухопутную границу, все они выбирали путь морем. Это должно было иметь свои причины.

Для женщин путь по горным тропам был не только труден, но и таил в себе много опасностей со стороны бандитов-контрабандистов. Женщины подвергались риску быть ограбленными и даже убитыми. Путь же морем длительностью всего в несколько часов был короче, не требовал большого физического напряжения.

Перед нами вставали два вопроса. Первый — находилась ли уже в Батуми эта женщина, и второй — кто из местных жителей мог взяться за переброску ее морем в Турцию. Мы знали, что в первые два-три года после установления Советской власти жителям соседних с Аджаристаном районов Турции — лазам — разрешалось привозить на батумский базар апельсины и продавать их без пошлины.

Выяснилось, что, кроме апельсинов, привозились и некоторые заграничные товары — ткани, парфюмерия и т. п., продававшиеся из-под полы. Но скоро свободный доступ турецких фелюг на батумский базар был запрещен, а морская контрабанда не прекратилась. Среди местных жителей, занимавшихся рыболовством, имевших парусные лодки, нашлись любители легкого заработка. Они встречались с турками в море, где и происходили контрабандные сделки.

Владельцы парусных лодок, проживавшие в самом Батуми, все на виду, и наше внимание было обращено к жителям прибрежных селений. Свои выводы по этому делу мы доложили Осипову. Как всегда, он выслушал нас с ироническим видом, однако не возражал против намеченных нами мероприятий и только сказал:

— Я переговорю с пограничниками и транспортниками. Желаю успеха!

В результате его переговоров с начальником пограничного отряда и транспортного отдела ГПУ члены организации общественного содействия охране границы были соответственно проинструктированы. Одновременно с этим мы проверили постояльцев трех гостиниц, имевшихся тогда в Батуми. В одной из них, принадлежавшей все еще частному владельцу, половина комнат была занята под жилье нами. В остальных двух за последние три месяца никакие молодые одинокие женщины не останавливались. Это, конечно, не означало, что таинственной молодой особы не было в Батуми, она могла скрываться у кого-либо из жителей.

Прошло дней десять, и оперуполномоченный транспортного отдела ГПУ на станции Чаква, небольшом прибрежном селении, где только-только создавались чайные плантации, сообщил, что к находившемуся на учете жителю селения Султану Болквадзе, имевшему хорошую парусную лодку и ранее занимавшемуся контрабандой, из города приезжал какой-то человек, судя по всему, русский, средних лет, блондин, в рабочей одежде. Он пробыл у Болквадзе не более часа и уехал на обратном дачном поезде, ходившем между Батуми и Кобулету. Замеченный человек приезжал из Батуми в пятницу. Всю субботу Болквадзе работал на своей небольшой чайной плантации, а в воскресенье с утра стал готовить парусную лодку к выходу в море. Он принес из дому мачту, парус и рыболовную сеть, подтащил лодку ближе к воде. Все это могло означать, что Болквадзе собирается на рыбную ловлю.

В воскресенье, во второй половине дня, в Чакву опять приехал тот же блондин. Выйдя из первого вагона, он направился по дороге к северной окраине Чаквы, достиг кукурузного поля Болквадзе и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, быстро свернул на тропинку и скрылся в густых зарослях кукурузы. Тем же поездом в последнем вагоне в Чакву приехала молодая

женщина. Она тоже направилась по дороге в сторону кукурузного поля. Несмотря на теплую погоду, на ней было осеннее пальто, в руках она несла большой шерстяной платок. Ежеминутно оборачиваясь, свернула на тропинку и скрылась в кукурузных зарослях. До наступления темноты комсомольцы-общественники из группы содействия погранохране не заметили, чтобы кто-либо из троих вышел оттуда.

О прибытии в Чакву двух неизвестных лиц нам сообщил по телефону оперативный уполномоченный транспортного отдела ГПУ. Полученные сведения позволяли сделать вывод, что ночью Султан Болквадзе попытается куда-то везти на лодке эту молодую женщину. Недаром же он готовил свою лодку и к нему дважды приезжал пока неизвестный нам блондин. Мы уже не сомневались, что молодая женщина была именно той, которую до сих пор безуспешно мы пытались найти в Батуми. Нужно было действовать, и действовать быстро, не теряя времени.

Я позвонил Осипову домой и попросил немедленно прийти в ГПУ. Вскоре он появился.

— Ну что там у вас?

Мы подробно доложили сведения, полученные в последние часы, и свои выводы о возможности попытки организовать переброску женщины уже этой ночью.

Выслушав нас, Осипов позвонил на квартиру председателя ГПУ и попросил разрешения немедленно приехать для доклада.

— Ждите меня здесь, — сказал он.

Вскоре он вернулся и сообщил, что председатель согласен с нашими выводами и, как старый оперативный начальник в Батуми, отдал распоряжение морскому пограничному отряду выйти в море для пресечения возможного нарушения государственной границы. Напутствуя нас, Осипов серьезно сказал:

— Смотрите, упустите, крепко достанется вам...

В девять часов вечера мы со Щекотихиным явились на пристань морского пограничного отряда. Ночь обещала быть темной, без звезд. Шел обычный для Батуми нудный, мелкий дождик. Командир катера, добродушный латыш Лукст, встретил нас по-дружески. На его красноватом обветренном лице играла отеческая улыбка.

— Если Болквадзе выйдет в море, — сказал он, — мы его обязательно обнаружим. Так что не беспокойтесь.

Через час катер отошел от берега. Для уменьшения шума выхлоп двигателя был переключен под воду.

Первое время мы еще оставались на палубе, но волны все больше вкатывались на нее, когда катер клевал носом, и брызги обдавали нас с ног до головы. В рулевой рубке было тесно, и мы только мешали рулевому и Луксту. Вскоре Валентин Щекотихин, скрывая подступавшую тошноту, сказал, что пойдет в кубрик. Я тоже спустился за ним, и мы растянулись на узких матросских койках.

Незаметно оба уснули.

Часа в два ночи Лукст разбудил нас:

— Впереди шаланда Болквадзе. Сейчас мы ее нагоним!

Мы выскочили на палубу. Сколько я ни всматривался в темноту, ничего заметить не мог. Неожиданно лодка оказалась рядом с катером. Лукст включил прожектор и в рупор приказал Болквадзе опустить парус.

В ярком световом луче я заметил на корме только одного Болквадзе, второго человека в лодке не было видно.

Болквадзе оставил румпель, подскочил к мачте, чтобы освободить шкот. Косой парус тяжело упал в лодку.

Закрепив ее к борту катера, мы приступили к осмотру, предварительно пересадив Болквадзе на катер.

На носу лодки, как обычно, имелся небольшой запалубленный кубрик, в котором хранят запасные паруса и канаты. Из него мы извлекли насмерть перепуганную молодую женщину. По-видимому, она сильно укачалась и не могла стоять на ногах. Мы перенесли ее на катер, оставили на койке в кубрике под присмотром одного из матросов.

Захваченную лодку Лукст приказал взять на буксир, и на малом ходу мы направились обратно в Батуми.

Через четыре часа катер благополучно вошел в порт.

С пирса я позвонил Осипову и доложил о результатах морской экспедиции.

— Поздравляю, — своим обычным тоном произнес он. — Можете отдыхать, отоспаться.

— Мы хотим сразу же приступить к допросу, — сказал я.

— Не спешите с этим. Отдохните, придите в себя и дайте прийти в себя арестованным. Понятно?

5

В полдень мы с Щекотихиным вызвали женщину на первый допрос. Она все еще была сильно подавлена ночным происшествием, плакала и зябко куталась в большой серый платок, хотя в комнате было тепло. Мы предложили ей стакан чаю и бутерброд и настояли на том, чтобы она съела этот скромный завтрак.

Звали ее Ксения. Ей было двадцать пять лет. Из имевшихся у нее документов нам стало известно, что она окончила курсы медицинских сестер и работала в одной из харьковских поликлиник. В ее небольшой дамской сумочке, единственной вещи, обнаруженной при ней, находились 500 американских долларов, советский

паспорт и несколько золотых вещей: кольца, брошки и часики с цепочкой.

На допросе Ксения ничего не скрывала. Ее отец, умерший в 1918 году в Петрограде, был членом правления русско-азиатского банка, одного из крупнейших в России. Семье он оставил значительное состояние в золоте и иностранной валюте. После его смерти мать Ксении намеревалась уехать с нею за границу, в США, где жил старший брат покойного отца. Однако на нелегальное бегство за границу с пятнадцатилетней дочерью и значительными ценностями мать Ксении не решилась и, чтобы не привлекать к себе внимание властей, в 1920 году переехала с дочерью в Харьков в надежде на лучшие времена. Там Ксения вышла замуж, но брак оказался неудачным, и через год она развелась с мужем, оставив себе его фамилию.

Зимой 1928 года умерла ее мать. Единственной родственницей у Ксении оставалась тетка, сестра отца, Анастасия Усова, вдова офицера царской и белой армий, проживавшая в Батуми. Спустя месяц после смерти матери Ксения по приглашению тетки приезжала в Батуми. Усова рассказала ей о том, что поддерживает связь с братом, проживающим в США. Эта связь, по словам тетки, осуществлялась ею через моряков иностранных танкеров, приходивших в Батуми.

Анастасия Усова уговорила Ксению, чувствовавшую себя после смерти матери очень одинокой и подавленной, уехать к дяде в США. Она уверила ее, что в Батуми у нее имеется надежный человек, друг покойного мужа, который может организовать ее нелегальную переброску в Турцию, так как на получение официального разрешения властей на выезд за границу надежд не было.

Чтобы внезапное исчезновение Ксении из Харькова не вызвало ни у кого подозрений или опасений за ее судьбу, Усова предложила ей возвратиться в Харьков

и уволиться с работы под предлогом переезда к родственникам в один из сибирских городов. Так она должна была объяснить отъезд и всем своим знакомым.

Этот план был ею выполнен, и две недели назад она вернулась в Батуми, привезла все имевшиеся у нее ценности и отдала их Анастасии Усовой для переправки через известных ей иностранных моряков за границу. Тогда же Усова познакомила ее с другом покойного мужа; неким Алексеем, который взялся организовать ее нелегальное бегство в Турцию. Об этом человеке, кроме его имени, она больше ничего не знала и рассказать нам не могла. Все дальнейшее в ее показаниях соответствовало тому, что мы уже знали из наблюдений за Султаном Болквадзе.

Ксения училась в школе, а затем на курсах медсестер вместе с детьми рабочих и крестьян, среди которых у нее было немало друзей. По складу своего характера она была человеком мягким и доверчивым. Осознав допущенную ошибку, она просила о снисхождении, обещая честной работой в дальнейшем искупить свою вину. Все обстоятельства давали нам основания верить ей, а поэтому в обвинительном заключении мы предлагали ограничиться условным осуждением.

Обдумывая показания Ксении, мы с Щекотихиным пришли к выводу, что привезенные ею ценности Анастасия Усова намеревалась присвоить и не собирается переправлять через каких-то иностранных моряков за границу. У нас возникло несколько вопросов, на которые нужно было получить ясные ответы в процессе дальнейшего следствия.

Во-первых, можно ли было доверять безвестным морякам и быть уверенным в их честности? Ведь в случае присвоения ими золота и валюты ни у кого не было бы веских оснований привлечь моряков к ответственности.

Во-вторых, почему, имея ценности, состоятельного

близкого родственника в США и возможности самой нелегально бежать за границу, Усова не воспользовалась этим и оставалась в Батуми? Что удерживает ее здесь?

6

Протокол допроса Ксении мы отнесли Осипову. Он передал нам распоряжение сегодня же произвести обыск у Анастасии Усовой и, если нужно, арестовать ее. Из допроса Ксении нам уже было известно, что Усова живет на своей даче в Махинджаури, пригороде Батуми, и служит бухгалтером в одном из городских учреждений. Домой со службы она приезжает не позже шести часов вечера. Мы полагали, что только тогда ей могут быть известны результаты переброски Ксении. Об этом ей мог сообщить вернувшийся Болквадзе или таинственный Алексей.

Получив ордера на обыск и арест, мы в шестом часу вечера отправились в Махинджаури. Предварительно заехали в поселковый Совет и пригласили с собой понятых — председателя и секретаря. Николая же с автомашиной мы оставили у Совета, чтобы не привлекать к дому Усовой внимания любопытных.

Небольшой красивый домик Усовой стоял в глубине сада среди густых кустов олеандр, лавров, мандариновых и грушевых деревьев.

В дверях застекленной веранды нас встретила хозяйка дома. Она держала большую, светлой масти овчарку.

— Вы Анастасия Усова? — спросил Щекотихин.

— Да, я. Что вам угодно? — спросила женщина.

— Мы из ГПУ. Просим убрать собаку. Лучше всего привязать ее где-нибудь позади дома, в глубине сада.

Усова пристегнула к ошейнику поводок и в сопровождении Щекотихина отправилась за дом привязывать

собаку. Когда они вернулись, я предъявил ей ордер на обыск.

— Что же вы собираетесь искать?

— Вы не сдали государству иностранную валюту и драгоценные вещи. Может быть, вы добровольно, без обыска, сдадите их?

— У меня нет никаких драгоценностей, а тем более иностранной валюты. Вас кто-то ввел в заблуждение. — При этом Усова показала несколько колец на своих руках и небольшую золотую брошку. — Вот все.

Мы начали обыск. Тщательно осмотрели весь дом, от подвала до чердака, застекленную веранду, на которой хозяйка хранила садовый урожай — мандарины и груши.

Единственной вещью, заинтересовавшей нас, была деревянная резная шкатулка, в ней Усова хранила личную переписку и десятка два фотографий. Эту шкатулку мы решили взять с собой для внимательного изучения ее содержимого.

Закончив составление протокола обыска, мы с Щекотихиным подписали его, затем попросили подписать понятых и после этого предложили Усовой ознакомиться с ним, ввести свои замечания, если таковые у нее появятся. Бегло проглядев протокол, она подписала его и, возвращая мне, спокойно спросила:

— Чем еще могу быть полезной?

В ее словах сквозила плохо скрытая ирония.

Не обращая внимания на ее тон, Валентин Щекотихин протянул ей ордер на арест.

— Придется поехать с нами.

— Вы арестовываете меня? — теперь с явной тревогой спросила Усова. — Можно узнать, за что?

— Мы предъявим вам мотивированное объяснение. Пока же собирайтесь, возьмите нужные вам вещи.

— А как же моя собака?

— Позаботимся о ней, отвезем ее в питомник погра-

ничного отряда. Там ей будет не хуже, чем у вас, — сказал Щекотихин, отправляя секретаря поселкового Совета за Николаем, который находился у машины.

Нам оставалось подождать машину и, опечатав дом, сдать его под охрану председателя поселкового Совета. В этот момент с веранды в комнату вошел какой-то мужчина. Увидев нас, он что-то пробормотал и повернулся, чтобы уйти.

— Куда же вы? Вы к хозяйке пришли? — спросил Щекотихин, опуская правую руку в карман.

— Я найду в другой раз...

— Руки вверх! — резко приказал Валентин и выхватил из кармана пистолет. — Имя, фамилия?

Я подошел к незнакомцу, извлек у него из-за пояса за спиной спортивный десятизарядный пистолет.

— Имя, фамилия, живо! — повторил Щекотихин.

— Авдонин...

— Алексей Авдонин? — с нескрываемой радостью произнес мой товарищ.

— Д-да, Алексей, — с удивлением произнес вошедший. — Что вы от меня хотите?

— Узнаете, если сами не догадываетесь. Вверх, вверх руки! Ну быстро!

К дому подъехала наша машина, и Николай появился в комнате. Щекотихин приказал Николаю надеть на задержанного наручники и обыскать его. Николай извлек из бокового кармана пиджака Авдонина документы, по которым тот значился служащим кооператива в небольшом городке Зугдиди в Западной Грузии, два железнодорожных билета: один на местный поезд от Батуми до Чаквы и обратно и билет на вечерний поезд до Тбилиси. Валентин оба билета поднес к электрической лампочке, чтобы посмотреть на свет пробитую на них компостером дату. Оба билета были датированы сегодняшним днем.

Мы опечатали двери, закрыли ставни на окнах, за-

лили горевшие в плите дрова и вышли из дома. Арестованных рассадили в машине: Усову рядом с шофером, а Авдони́на между собой на заднее сиденье, не забыли захватить овчарку, на которую надели намордник. Приехав в ГПУ, мы сдали арестованных в комендатуру. Собаку же пришлось везти в питомник пограничного отряда. Со всеми этими делами мы провозились долго, порядком устали, были голодны и едва успели к десяти часам вечера забежать в столовую, чтобы наспех поужинать.

Осипов, узнав, что Авдонин был именно тем, кого мы безуспешно разыскивали, сказал:

— Не завалите дело в процессе следствия. Продумайте план допроса, сперва займитесь Усовой.

На следующее утро я спросил Щекотихина:

— Авдонин занимается стрелковым спортом? Для чего у него такой пистолет?

— Стрелковым спортом, говоришь? Навряд ли. У него боевое оружие для каких-то определенных целей. Патрон такой же, как у мелкокалиберной винтовки. Им можно убить кого хочешь, особенно если стрелять с близкого расстояния.

Валентин замолчал, прищурился, стараясь что-то вспомнить, а затем стукнул себя ладонью по лбу, стал с лихорадочной поспешностью перелистывать папку с материалами.

— Смотри, здесь написано, что старик Нифонт был ранен из мелкокалиберного оружия! Так, так... Вот для чего у этого молодца был мелкокалиберный пистолет. Оружие как будто бы и спортивное, но вместе с тем убойное и стреляет почти бесшумно!..

Начали мы с того, что разобрали содержимое шкапулки, отобранной у Анастасии Усовой. В ней были старые письма, главным образом переписка с покойным мужем, когда он еще был на фронте в период первой мировой войны, несколько незначительных по содержанию

писем от отца и матери Ксении за 1914—1928 годы. Большой интерес представили фотографии, вернее, две из них. На одной, датированной мартом 1919 года, были сфотографированы двое военных — офицер и солдат. Офицером был умерший в 1922 году муж Усовой, а в солдате нетрудно было узнать Алексея Авдонина. Кроме обычного для близких родственников посвящения, на обратной стороне фотографии указывалось место, где она была сделана или откуда была прислана. Этим местом был город Салоники в Греции. На второй карточке был Алексей Авдонин, сделавший короткую надпись: «Верному другу моего друга и покровителя. Алексей Авдеев. Май 1921 года. Тифлис».

Фотографии заинтересовали нас. Возникали, по крайней мере, три вопроса, требовавшие убедительных ответов и, как нам казалось, имевших существенное значение для следствия: что связывало в царской армии офицера в чине капитана с рядовым солдатом? Почему они оба оказались во время войны за границей, в Греции? Почему на фотографии восьмилетней давности вместо фамилии Авдонин стоит фамилия Авдеев?

7

Итак, Алексей Авдеев (он же Авдонин) был ночным гостем Пафнутия. У него при аресте был обнаружен мелкокалиберный пистолет иностранного производства. Старик Нифонт, как показывала извлеченная из его плеча пуля, мог быть ранен только из такого оружия. Намерение убить старика могло быть вызвано только желанием избавиться от свидетеля своего ночного появления в Новом Афоне у привратника, тесно связанного с бывшим настоятелем монастыря Иосафом: а Иосаф в Абхазском ГПУ значился как агент английской разведки.

Мы оба были убеждены, что Авдонин покончил бы с Болквадзе, если бы тому удалось успешно перебросить Ксению в Турцию и вернуться в Чакву.

Исходя из этих соображений, мы решили вторым допросить Султана Болквадзе.

— Где вы встречались с Авдоным? — начал Щекотихин.

— У себя на кукурузном участке.

— Почему там, а не в доме?

— Я предлагал ему зайти, выпить стакан вина и все обсудить, но он отказался, дескать, нас вместе никто не должен видеть, даже моя жена и дети.

— А на участке?

— Участок за окраиной Чаку, недалеко от моря, зарос кукурузой.

— А если бы Авдонин вас там убил, тоже никто не увидел бы? — неожиданно задал вопрос Щекотихин.

Болквадзе обеими руками закрыл рот и с испугом смотрел на нас:

— Зачем убил?

— Затем, что вы ему больше не нужны. Сделал дело, а свидетеля на тот свет!

Болквадзе обхватил голову руками, застонал, покачиваясь из стороны в сторону. Он был потрясен. Затем рассказал, что с Авдоным его познакомила Усова, которой он когда-то сбывал контрабандные вещи, а позже, весной, работал у нее в саду, окучивал деревья, чинил ограду. На переброску Ксении он согласился, прельстившись возможностью хорошо заработать на этом деле.

Учитывая его откровенные показания, неграмотность, местное происхождение, мы решили в отношении его также ограничиться предложением об условном осуждении. Хотя я и предлагал сделать такое заключение, но не очень был уверен, что все члены особого совещания согласятся со мной. Тогда и во все последующие годы

работы в органах я помнил слова В. И. Ленина, сказанные им в речи на четвертой конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 года: «...мы должны учитывать новый переход от войны к миру, по-прежнему изменяя тактику, изменяя характер репрессий». Теперь, когда война отошла на несколько лет назад, чекист не должен на всех оступившихся и заблуждающихся смотреть холодными глазами, хотя мы обязаны сохранять и боевую готовность.

8

Константин Осипов, внимательно, но вместе с тем деликатно наблюдавший за нашими действиями, указал нам на Алексея Авдонина как на основную фигуру начатого нами дела. Он предупредил, что допрашивать такого человека будет не просто и уж никак нельзя дать Авдониному возможность свести свою роль к переброске Ксении за кордон. Предстояло выявить более серьезно его преступления.

— Не спешите с допросами. Пусть Авдонин будет последним из допрашиваемых. Начните с Усовой, — закончил свои наставления Осипов.

И вот Анастасия Усова, сероглазая шатенка с хорошо ухоженным лицом, сидела перед нами. Она выглядела моложе своих 38 лет. Держалась спокойно, с ответами не спешила, обдумывая каждое свое слово.

Мы предложили ей рассказать свою биографию.

Не спеша она говорила о том, кто ее родители, где она училась и как в 1912 году, живя в Москве, вышла замуж за молодого офицера Владимира Усова, уроженца большого села Каменка бывшей Тамбовской губернии. Когда началась война 1914 года, муж ушел на фронт. В 1916 году он был ранен и после лечения явился к воинскому начальнику в Тамбов, получил назначе-

ние командиром батальона во вновь формируемую стрелковую бригаду, которая в марте 1917 года была отправлена в помощь союзникам за границу, в Салоники. В Россию Усов вернулся в начале 1919 года и сразу же вступил в армию Деникина, получив чин подполковника и назначение в военную миссию деникинской армии в Грузии, в то время находившуюся под властью грузинских меньшевиков и оккупированную английскими войсками. В задачу этой миссии входила мобилизация русских офицеров, главным образом из числа воевавших на турецком фронте и по разным причинам оставшихся в Закавказье, а также закупка и отправка из черноморских портов в Крым для армии Деникина, а позже Врангеля нефтепродуктов и продовольствия. Собственно, Владимир Усов, если верить словам Анастасии, занимался снабженческими делами, а поэтому семья и жила в Батуми.

Усов тяжело болел тропической малярией, в то время распространенной на побережье, в 1922 году он умер, оставив жене дачу с мандариновым садом в Махинджаури.

— На какие средства куплена дача? — спросил я.

— У мужа были средства... — неуверенно ответила Усова.

— Средства, говорите? Хорошо. Допустим. Объясните происхождение этих средств и в чем конкретно они выражались. Только не вздумайте уверять нас, что это были бумажные деньги, царские кредитки, керенки и тому подобное. В 1921 году, когда вы покупали дачу, эти деньги уже не имели никакой ценности. Какими бы способами ваш покойный муж ни приобрел эти средства, вы за них не несете никакой ответственности, — сказал Щекотихин.

Опустив голову и крепко сцепив руки, Усова долго молчала, а затем заговорила приглушенным голосом:

— Повторяю, что муж в деникинской миссии ведал

снабжением. Для оплаты всего покупаемого в Грузии и отправляемого в Крым в его распоряжении имелись золотые русские монеты и иностранная валюта.

— У кого и за сколько была куплена дача в Махинджаури.

— Не знаю, помню лишь, что ее владелец был не то полковник, не то генерал. Он бежал за границу вместе с англичанами, когда они покидали Батуми.

На вопрос, почему она с мужем не воспользовалась этой возможностью уехать, Усова ответила, что муж болел тропической малярией. Тогда я возразил, что эта болезнь требовала перемены нездорового батумского климата. Усова не ответила.

— Ваш муж был известен англичанам как представитель деникинской миссии? Он поддерживал контакт со штабом британской бригады генерала Куколиса, оккупировавшей батумский район?

Усова кивнула головой и, сильно волнуясь, проглотила подступивший к горлу комок.

— Все же ответьте, почему вы не уехали, имея для этого все возможности. Может быть, англичане предложили вашему мужу остаться? — прямо поставил вопрос Щекотихин.

Уже в полном смущении, боясь окончательно запутаться, она не отрицала высказанного Валентином предположения, сказав, что, возможно, это было и так, но муж ее никогда об этом не говорил.

Судя по всему, Усова была уверена, что допрос будет касаться только попытки нелегальной отправки Ксении за границу, а тут речь пошла о другом, и она запуталась.

— Хорошо, оставим все это на совести вашего покойного мужа. Из сказанного вами следует, что дача была куплена на казенные средства. Так или не так?

Усова усмехнулась:

— О казне в 1921 году уже говорить не приходи-

лось: белая армия была разгромлена и бежала за границу.

— Что же, ваш муж считал, что полученные от командования белой армии средства перешли ему по наследству? — не без иронии проговорил Щекотихин.

— Очевидно, — пробормотала женщина.

— Вы тоже так считали? — продолжал Валентин.

— А что мы должны были делать, если белые бежали? — уже явно не подумав, развела руками Усова.

— Если бы ваш муж был честным человеком, то эти средства сдал бы Советской власти, — сказал я.

Усова молчала, ниже опуская голову.

— После покупки дачи у вас еще осталась крупная сумма, не так ли? — спросил Щекотихин.

Усова отрицательно помотала головой.

— Отвечайте, да или нет!

— Ничего не осталось... Вы же делали обыск.

— Вы не отдаете себе отчета в том, что сейчас происходит и в каком положении вы находитесь, — проговорил Щекотихин, внимательно посмотрев на допрашиваемую.

— Почему же вы так думаете? — бормотала она.

— Хотя здесь мы задаем вопросы, я все же отвечаю вам. Вы заявляете, что у вас на даче нет никаких ценностей. А где же те, что привезла вам Ксения?

— Спросите у нее... Она их сама где-то спрятала...

— Так и запишем, — сказал я, предлагая ей подписать эти показания.

9

У нас уже не оставалось никаких сомнений, что ценности хорошо спрятаны, их надо искать. Мы предлагали произвести второй, более тщательный обыск на даче Усовой. Осипов согласился с нами, а Щекотихин выска-

зал мнение, что полезно было бы для дальнейшего следствия, особенно для допросов Авдонины, съездить в Тамбов и навести там справки в ГПУ.

— Поезжай, — одобрил Осипов. — Я уверен, что там в архивах что-нибудь добудешь об этих двух земляках.

Дня через два после отъезда Щекотихина мы с Осиповым отправились в Махинджаури, пригласив с собой понятых из поселкового Совета.

У Осипова имелся продуманный план обыска. Прежде чем войти в дом, мы обошли небольшую усадьбу с садом, внимательно приглядываясь ко всему, что вызвало малейшее подозрение. Осмотрели дощатый сарай, в котором, кроме садового инструмента, ничего не было. Захваченным с собой щупом мы исследовали в сарае землю. Затем, войдя в дом с черного хода, обследовали там стены, пол и потолок. Так же мы действовали и во всех остальных трех небольших комнатах и на чердаке. Делали все тщательно, потратили почти весь день. Осипов злился, отпуская нелестные эпитеты в адрес «хитрой бабы».

— Знаешь, золото может быть спрятано в самом неожиданном месте, — несколько раз говорил он.

Мы обыскали все внутренние помещения и вышли на застекленную террасу. На ней было сложено несколько ящиков с мандаринами, банки с вареньем, и на полу лежали навалом тыквы. Все было покрыто слоем пыли.

Пришлось вскрыть банки с вареньем и исследовать их содержимое взятыми из буфета ложками. Но ничего, кроме варенья, в банках не было. Осипов прощупал матрац, на котором спала овчарка, перетряхнул валявшиеся в углу мешки.

Когда мы уже устали, Осипов машинально поднял с пола тыкву, подержал ее в руках, сосредоточенно о чем-то думая, и наконец сказал:

— Принеси кухонный нож.

С недоумением посмотрев на него, я отправился на кухню и, вернувшись, подал ему большой кухонный нож, каким обычно рубят мясо.

Размахнувшись, Осипов с силой всадил его в тыкву, рассек ее на две половинки. Внутри ничего не оказалось. То же самое Осипов проделал со второй тыквой, из нее неожиданно для меня посыпались золотые царские пятирублевки.

В пяти больших тыквах мы нашли золотые монеты и крупные купюры английских фунтов.

Когда было закончено составление протокола обыска, уже темнело.

На следующий день Осипов достал из шкафа привезенную им с дачи Усовой одну из тыкв. С нижней стороны ее была аккуратно вырезана четырехугольная пробка, через которую внутрь вкладывались монеты. Пробка вставлялась на место и совершенно незаметно укреплялась заостренными спичками, потому не выскакивала.

— Ловко придумано! — улыбнулся Осипов и положил тыкву в шкаф. На память.

10

Я с нетерпением ждал конца двухнедельной командировки Валентина Щекотихина. Он съездил не даром и привез важные материалы, из которых мы узнали, что Алексей Авдонин (Авдеев) сын богатого кулака-лавочника из большого села Каменка бывшей Тамбовской губернии. По невыясненным причинам он не окончил гимназии, в марте 1917 года был досрочно призван на военную службу рядовым, в маршевую роту, а оттуда — в один из формируемых пехотных полков. Этот полк входил в бригаду, отправляемую на Салоникский фронт Временным правительством Керенского.

Алексееу Авдееву повезло — его рота входила в батальон, которым командовал земляк, капитан Владимир Усов, сын тамбовского помещика, знавший его с детства. Так Авдеев стал ординарцем офицера Усова и уже не расставался с ним до возвращения на родину летом 1919 года.

Оставалось выяснить, где он был последние восемь-девять лет и что делал.

11

Мы снова вызвали на допрос Усову.

Она пыталась сохранить спокойствие, но теперь ей это плохо удавалось. Я перелистал том следственного дела:

— Значит, у вас не осталось никаких ценностей из средств, похищенных мужем?

— Вы в этом уже убедились.

— Нам раньше так казалось, — сказал Щекотихин, садясь напротив нее за приставной столик. — Да, казалось! — повторил он и, взяв лежавший у меня на письменном столе протокол второго обыска, протянул ей.

Усова долго читала. Лицо ее судорожно подергивалось.

— Найденное у вас на даче золото и иностранная валюта принадлежат вам? — спросил я.

Усова молча кивнула. Я сделал соответствующую запись в протоколе.

— Спрашивайте... — тихо проговорила она.

Усова подтвердила тесную связь покойного мужа с Алексеем Авдеевым, неожиданно появившимся весной 1921 года в Тбилиси. Она подтвердила также, что оба они встречались с английскими офицерами и что по заданию англичан переехали в Батуми, остались там после эвакуации оккупационной бригады генерала Куко-

лиса. Ей было известно, что по указанию, полученному от англичан, Авдеев сменил фамилию, уехал в Абхазию и пробыл там до 1925 года.

— С кем из английских разведчиков встречался Авдеев после своего возвращения в Батуми? — спросил Щекотихин.

— Встречался ли он лично, мне неизвестно, но до конца 1928 года оставлял у меня пакеты, за ними два раза в год приезжал служащий индоевропейского телеграфа Свенсон, который забирал их и только однажды оставил для него конверт. Это было в его последнее посещение, в конце прошлого года. Больше он не приезжал и, как сказал мне Авдеев, Свенсон уехал из Советского Союза, так как Советское правительство аннулировало договор с компанией индоевропейского телеграфа.

Свенсон был нам известен как резидент Интеллиженс сервис в Абхазии.

Анастасия Усова оказалась, как мы и предполагали, далеко не безобидной фигурой.

Со дня ареста Алексея Авдеева прошло более месяца. Мы еще ни разу не вызывали его на допрос, и у него было время для размышления.

И вот Авдеев сидел перед нами. Ему еще не было сорока лет, был он крепкий, кряжистый мужчина с волевым лицом.

Первые вопросы об имени, отчестве и фамилии, месте рождения и профессии, а также предупреждение об ответственности за дачу ложных показаний были вписаны в протокол допроса.

Я перевернул заполненную первую страницу и сказал:

— У нас имеются не только материалы военных архивов о прохождении вами службы в бригаде на Солоникском фронте, но и показания известной вам Анастасии Усовой. Можете ознакомиться.

Авдеев долго вчитывался в показания. Мы не торопили его. Выждав несколько минут, я сказал:

— Как видите, нам все о вас известно. Подтверждает показания Анастасии Усовой?

— В общем подтверждаю...

* * *

На этом, собственно, закончилось ведение нами дела Алексея Авдеева — агента Интеллидженс сервис.

Когда дела касались деятельности иностранных разведок на нашей территории, они никогда не ограничивались локальными рамками, где были вскрыты.

Разоблаченных иностранных шпионов после предварительного следствия на месте отправляли в Центр..

БЕГЛЕЦ С УРАЛА

Случай, о котором я рассказываю, произошел летом 1931 года, вскоре после моего перевода в Тбилиси. В один из дней я докладывал очередные дела начальнику КРО Михайлу Захарову. В это время на его столе зазвонил телефон, Михаил поднял трубку — в ней голос одного из секретарей Закавказского комитета комсомола. Он сообщил, что в комитет явился какой-то человек, интересуется военной подготовкой молодежи. Настойчивые расспросы незнакомца вызвали подозрение у комсомольского секретаря, и он просил прислать к ним кого-либо из сотрудников для выяснения личности странного посетителя. Положив трубку, Захаров сказал мне:

— Сходи туда и выясни, в чем дело. Не задерживайся.

Положив пистолет в карман, я отправился к комсомольцам. Крайком комсомола находился на соседней улице, спускавшейся с горы Давида к центральной площади города. Я уже был недалеко от крайкома, когда из дверей его здания выбежал и кинулся вверх по улице навстречу мне человек. Вслед за ним выбежали еще

двое, в которых я узнал знакомых ребят из комитета, они пытались догнать беглеца, а он уже приближался ко мне. Я продолжал не спеша шагать с нарочито рассеянным видом, не сходя с тротуара. Когда же бежавший поравнялся со мной, то я вначале даже посторонился, но затем стремительно бросился к нему, подставив ножку, с силой толкнув его обеими руками. Не удержавшись на ногах, беглец с размаху упал на мостовую. В тот же миг я заученным приемом джиу-джитсу вывернул на спину его правую руку. Подоспевшие ребята помогли мне скрутить и обезоружить этого человека. Там же, на улице, мы отобрали у него два пистолета, бумажник с документами и завернутый в газету пакет с большой суммой советских денег. Втроем мы доставили задержанного в комендатуру ГПУ.

— Кого ты там обнаружил? — спросил меня Захаров, когда я вновь появился в его кабинете. Коротко рассказав обо всем, я выложил на стол отобранные у незнакомца оружие, бумажник с документами и деньги.

Захаров молча стал рассматривать документы; затем сложил их в бумажник. Он осмотрел оба пистолета, разрядил их и убрал к себе в стол.

— Хм. Любопытно, — он взялся за телефон, чтобы позвонить в комендатуру, приказал привести к нему арестованного.

Вахтер ввел в кабинет высокого светлого шатена с аккуратно подстриженными волосами. На нем был хорошо сшитый серый костюм, белая рубашка без галстука с расстегнутым воротом и красивые летние туфли. Человек казался спокойным, на его лице играла легкая усмешка, но внимательные глаза говорили о волнении и настороженности.

Захаров указал ему на стул возле приставного столика, придвинутого к письменному столу. По другую сторону сел я.

Захаров был человеком добродушным, с юмором:

широкоплечий, физически сильный блондин с румянцем на щеках, он спокойно и с любопытством рассматривал сидевшего перед ним человека.

— Откуда у вас столько денег? — спросил Захаров, убирая со стола бумаги, отодвигая пачку с деньгами.

Неизвестный нам человек был готов к такому вопросу, казалось, он даже обрадовался ему. Приняв слегка развязный вид, заговорил на воровском жаргоне и довольно складно, со многими подробностями, как в компании еще с одним вором они ограбили в Серпухове кассира учреждения. Деньги они поделили и разъехались в разные стороны.

— Я решил завязать, — признался грабитель.

— Значит, завязать? — с подкупающей, наивной улыбкой, ловко имитируя доверчивость и простоту, проговорил мой начальник.

Рассказ об ограблении кассира был рассчитан на то, что ГПУ возиться с вором не станет, передаст его в уголовный розыск, а там легче скрыть свое настоящее лицо.

— А почему вы заинтересовались военной подготовкой молодежи?

Вопрос как будто не застал врасплох задержанного: спокойным тоном он продолжал:

— Товарищ начальник, я уже покончил с воровской жизнью. Подыскивал себе работу по специальности. Раньше я был инструктором всеобуча, вот и пришел в крайком комсомола.

Документы незнакомца свидетельствовали, что он действительно был инструктором всеобуча.

Захаров полистал бумаги, вздохнул неопределенно:

— Так, так... Где вы остановились в нашем городе?

— В поезде познакомился со студентом, возвращавшимся домой... Ему отдал чемодан. Адрес потерял, назвать не могу.

Нужно было спросить, откуда у него два пистолета

и для чего он так вооружен? Но Захаров с этим не спешил. В раздумье барабанил пальцами по столу. Я тоже изучал лицо допрашиваемого, и беспокойство все больше овладевало мною.

В это время на столе зазвонил телефон. Захаров поднял трубку. Он несколько раз повторил «слушаюсь, слушаюсь», затем доложил: «Будет выполнено!» С ним говорил председатель ГПУ или его заместитель. Положив трубку на рычаг, он несколько секунд смотрел в сторону, о чем-то размышляя. Бросил мимолетный взгляд на лежавшие на столе документы арестованного, вырвал из блокнота листик и, быстро написав записку, передал ее мне:

— Возьми мою машину и побыстрее возвращайся.

Мимолетным движением глаз он указал мне на дверь. Я вышел из кабинета, на ходу заглянул в записку. В ней мне предлагалось немедленно отправиться по указанному адресу, произвести обыск, чтобы найти вещи арестованного и привезти их. Названы улица и номер дома, а фамилии нет. Откуда у Захарова этот адрес?

Как я позже узнал, Захаров обнаружил в паспорте задержанного какой-то адрес и сделал вывод — это адрес случайного попутчика, с которым мог в поезде познакомиться задержанный. И хотя даже города не значилось, Захаров все-таки предположил, что перед ним адрес города Тбилиси.

Начальник и задержанный спокойно остались в кабинете беседовать. А я уже сидел в автомобиле. Шоферу Грише, старому тифлиску, хорошо знавшему свой город, я сказал, что надо ехать на окраину тбилисского предместья Навтлуг. Через полчаса мы уже были на узкой улочке, у ветхого одноэтажного домика с небольшим садом.

Меня встретила пожилая женщина. На вопрос, где

ее сын, приехавший из Харькова, она ответила, что он ушел в город к друзьям.

— А где приятель, который был с ним? — спросил я.

— Он тоже ушел, еще раньше.

— С вещами?

— Нет, — удивилась женщина. — А что?

Я показал свое служебное удостоверение, которое произвело на нее соответствующее впечатление, и попросил показать вещи попутчика ее сына. Она повела меня на небольшую террасу, выходящую в садик, показала на чемодан, стоявший под деревянным диваном.

— Я возьму его, — сказал я.

— А как же гость? — удивилась хозяйка.

— Позовите кого-нибудь из соседей, и я дам вам расписку при свидетелях.

Подойдя к низенькому заборчику, она крикнула соседку. Я выдал расписку, соседка также поставила на ней свою подпись. Мое возвращение в управление с чемоданом заняло не более полутора часов. Я застал Захарова все еще мирно беседующим с задержанным. Тот бодро рассказывал о чем-то моему начальнику.

— Ну как? — спросил меня Захаров.

— Все в порядке!

— Неси чемодан!

Приоткрыв дверь, я взял поставленный за нею чемодан. Это произвело на задержанного ошеломляющее впечатление. Страх, подлинный ужас отразился в его глазах. Руки его задрожали, судорожно задвигались, он поднял их к горлу, пытаясь ухватить ими кончик воротника своей рубашки. Его буквально трясло, как в лихорадке, он стучал зубами, пытаясь всунуть себе в рот кончик воротника. Захаров одним махом перескочил через свой письменный стол и силой нагнул голову задержанному, не давая тому проглотить какой-то предмет, который он уже успел взять в рот.

Подскочив, я обеими руками разжал рот, сунул в

зубы ему пальцы и вытащил плоскую стеклянную капсулу. Иностранные разведки снабжают своих агентов цианистым калием — последним средством в случае их провала. Ампула с ядом уже свидетельствовала, что перед нами агент какой-то иностранной разведки.

Мы вызвали из санчасти врача, позвонили в комендатуру, чтобы принесли наручники. Появившийся врач обследовал арестованного, заставил его выпить успокаивающее средство. Прошло с четверть часа, и очухавшийся от страха человек сидел, низко опустив голову.

Захаров вернулся на свое место, подал мне знак поставить привезенный чемодан на стол.

— Где ключи от чемодана? — спросил он.

Арестованный слегка повел плечами.

Достав из стола большой перочинный нож, Захаров протянул его мне. В нем было несколько лезвий и разные приспособления, в том числе и отвертка, которой я без особого труда вскрыл оба замка на чемодане.

В чемодане оказалась полная форма работника ГПУ: гимнастерка, бриджи, фуражка и сапоги. На малиновых петлицах гимнастерки стояло по два ромба. Знаки комдива в наших органах соответствовали должности не ниже начальника отдела. По два ромба носил и Захаров, как начальник контрразведывательного отдела.

Увидев форму и знаки различия, Захаров с деланным изумлением произнес:

— Ух ты! Крупная птица перед нами.

Выдержав короткую паузу, он протянул мне бланк протокола допроса, предлагая записывать показания арестованного.

— Назовите свои настоящие имя, отчество и фамилию, откуда вы родом, где жили, чем занимались и как оказались в Польше, — обратился Захаров к задержанному.

Тот молчал.

— Когда вы были переброшены на нашу территорию? О ваших контактах с польской разведкой мы знаем.

«Откуда все знает Захаров?» — Я не переставал удивляться.

После получасового допроса шпион был отправлен в камеру. Меня разбирало любопытство: где Захаров узнал о связи этого человека с польской разведкой?

— Ничего я не знал, — неожиданно для меня очень серьезно проговорил Захаров. — Видишь ли, несколько фактов подсказали мне, что это не вор, а шпион. Его бредни об ограблении кассира щиты белыми нитками, а два пистолета, липовый паспорт и удостоверение, которые мы еще отправим на экспертизу, очень подозрительны.

Захаров взял у меня протокол допроса, внимательно прочитал его.

— Он назвал свою фамилию, возможно, правильно. Был в шоковом состоянии, — продолжал Захаров. — Узнай, значит ли в розыске такая фамилия.

Я позвонил в угрозыск. Мне ответили, что есть такая фамилия, все сходилось: имя, отчество, год рождения. Два года назад этот человек работал в одном из городов Урала. Там совершил уголовное преступление, был осужден на пять лет строгой изоляции, но по пути к месту заключения ему удалось бежать.

Мой начальник был очень доволен, в его глазах светились веселые огоньки.

— Сделаем перерыв на обед, а потом продолжим допрос.

Во второй половине дня задержанный во всем признался. В ту же ночь после доклада начальству в Центр была отправлена подробная телеграмма-донесение о задержании агента иностранной разведки. На следующий день поступило распоряжение отправить арестованного в Москву.

МЕДНАЯ СТАТУЭТКА

В батумский порт почти ежедневно приходили иностранные танкеры, и несколько их всегда стояло под наливом у нефтеперегонного завода. Команды этих судов спускали на берег, и некоторые из моряков своим поведением привлекали наше внимание.

В один из дней со ставшего под налив английского танкера сошел второй помощник капитана. На его обязанности лежали деловые переговоры с нефтесиндикатом.

В тот день помкапитана, побродив по городу, поплутав из улицы в улицу, оказался перед кирхой. Он постоял перед ее закрытыми на большой висячий замок дверьми, обошел ее ограду, несколько задержавшись у задней калитки, через которую можно было попасть за ограду — к дому пастора, тоже пустому и запертому. В том, что иностранный моряк мог заинтересоваться кирхой, ничего удивительного не было: он мог быть верующим, желать посетить церковь... Вскоре иностранный моряк вернулся на свое судно.

Было часов одиннадцать вечера, когда он вновь оказался у кирхи. Пройдя к задней калитке и убедившись, что она не заперта, вошел внутрь ограды и подошел к

небольшой двери, ведущей к алтарю, через которую обычно входил пастор. Орудуя каким-то инструментом, он быстро открыл дверь и скрылся внутри. Наблюдающий за ним чекист сообщил нам в управление о действиях иностранного моряка, мы приказали его пока не задерживать, а только наблюдать за ним.

Наблюдавший сообщил, что моряк пробыл в кирхе не более пятнадцати-двадцати минут. При нем не было никаких вещей, кроме тех, какие он мог, например, унести в кармане. К тому же нам было известно, что в кирхе нет никаких ценностей.

Мы долго раздумывали над таинственным ночным посещением иностранцем кирхи, а утром узнали, что тот же моряк, сойдя с танкера, направился на батумский маяк, находящийся невдалеке от центра города, между пассажирской пристанью и водной станцией. Смотритель маяка, хорошо известный нам человек, не вызывавший никаких подозрений, сообщил, что моряк говорил на ломаном русском языке и хотел увидеть смотрителя. Узнав, что тот смотритель уже умер лет пять назад, иностранец поспешил уйти.

Какая связь могла существовать между прежним смотрителем маяка и этим английским моряком? Как всегда в таких случаях, мы обратились к архивным делам и быстро установили, что умерший смотритель маяка, в прошлом кондуктор царского военного флота, незадолго до начала первой мировой войны 1914—1917 годов вышел в отставку и получил по выслуге лет место смотрителя батумского маяка. Во время службы во флоте он состоял в подпольной большевистской организации, существовавшей на боевых кораблях Черноморского флота.

Но вот в начале 1925 года из Москвы в Батуми прибыл товарищ, в прошлом матрос Черноморского флота, член подпольной большевистской организации. В лице смотрителя маяка он узнал провокатора, агента цар-

ской охраны, брошенного в подпольную матросскую организацию. Когда о предательстве смотрителя стало известно организации и было вынесено решение покончить с провокатором, охранка сумела его спрятать — демобилизовать и укрыть в Батуми, где в годы 1919—1922-е, то есть во времена иностранной интервенции и власти грузинских меньшевиков, он продолжал свою предательскую деятельность, сотрудничая уже с английской разведкой.

Смотритель маяка был арестован Батумской ЧК, но к тому времени он был уже очень стар и болен. Продолжать следствие оказалось невозможным, из внутренней тюрьмы он был переведен в больницу, где вскоре умер.

Новый смотритель сообщил нам, что, принимая маяк, он видел там дочь прежнего смотрителя, совсем молодую девушку. Забрав некоторые вещи отца, она куда-то ушла. Где теперь она? Последние пять лет ее в Батуми никто не видел.

Загс в те первые годы советизации только начал свою работу, к тому же гражданские браки по советским законам не пользовались популярностью среди значительной части батумских обывателей, прибегавших с большей охотой к церковному бракосочетанию. В Батуми действовала небольшая православная церковь. Мы пошли к ее священнику; установили, что дочь маячного смотрителя, которой ко времени наших поисков было двадцать два года, в 1925 году, оставшись круглой сиротой, вышла замуж за грузина и взяла его фамилию. Мы узнали, что муж ее был преуспевающим батумским портным.

У молодой двадцатидвухлетней женщины был грудной ребенок. Мы не стали вызывать ее в управление, а пошли к ней домой. Стараясь не пугать и не волновать молодую мать, мы объяснили ей причину своего посещения, сказав, что нуждаемся в ее помощи — просим вспомнить кое-что об отце. Мы были уверены, что ста-

рый провокатор не посвящал дочь в свои преступные дела, но кое-что она могла видеть, слышать. Человеком она оказалась совершенно неискушенным, бесхитростным. Будучи еще девочкой, она не раз видела появлявшихся у них в доме неизвестных ей людей, среди которых были и иностранцы, все они сдавали отцу на хранение какие-то ценности, обычно золотые монеты и иностранные кредитки. На вопрос о том, были ли у отца знакомые из числа английских военных, оккупировавших одно время Батуми, она сказала, что один англичанин в военной форме иногда приходил к отцу. Он был интересен собой. Но ничего очень примечательного она о нем не запомнила. Разве что какую-то медную статуэтку, которую он зачем-то показывал отцу.

Она сообщила нам, что в период пребывания в Аджаристане турок и немцев отец также встречался с ними. Эти встречи отца с иностранцами она искренне объясняла тем, что все власти были заинтересованы в бесперебойной работе маяка.

На вопрос Осипова, осталось ли ей какое-либо наследство, она ответила, что отец обещал «хорошие средства», которыми завещал распорядиться «с умом». Но он был внезапно арестован и вскоре умер, конкретно о наследстве не успел ничего сказать.

Осипов два раза побывал у дочери бывшего смотрителя маяка. Нас не могло не заинтересовать, что провокатор спрятал где-то ценности, присвоенные им у разных людей. То, что смотритель держал связь с каким-то английским офицером, нас тоже очень заинтересовало. Осипов установил, что примерно года за полтора до ареста старого смотрителя он пожелал сменить в квартире старую бамбуковую мебель на новую — деревянную. Бамбуковые столы и стулья, по словам дочери, были в сарае.

Ночью мы отправились осматривать сарай. Это большое помещение предназначалось для хранения лодок,

оно стояло почти у самой воды. Лодочный сарай был завален всевозможным хламом. У одной стены сарая была сложена довольно большая груда непиленых бревен. Пришлось перетаскать их в угол. Десятка два тяжелых бревен были убраны, и Осипов приказал нам копать землю на освобожденном месте. Под тонким слоем земли валялись бамбуковые стержни от старых кроватей и столов. Мы уже были перепачканы до ушей, когда Валентин Щекотихин, потрясая бамбуковым стержнем от кровати, закричал из темного угла:

— Эй, здесь что-то есть!

Подскочивший к нему Осипов взял стержень, вынес его на середину сарая, где на чурбаке светилась керосиновая лампа. Он достал новосой платок, расстелил его на полу, затем, сняв с конца стержня жестяную крышку, перевернул его над платком. Из открытого отверстия посыпались иностранные и русские золотые монеты! В нескольких стержнях мы обнаружили такие же золотые клады. Набралось две или три сотни золотых монет, в их числе были и довольно крупные, величиной с царский серебряный рубль. Это были иностранные монеты — испанские и американские.

Ну, вот! Кое-что нам открылось. Однако далеко не все...

Запыленные и перепачканные в земле мы вернулись в управление. От усталости я уже не думал о дальнейшем, мы разошлись по домам. На другой день нам предстояло обследовать кирху. Неспроста пастор ходил к старому смотрителю маяка, который не был лютеранином; не случайно зашел в кирху и иностранный моряк!

К кирхе мы подъехали поздно вечером. Захватив с собой оперативного шофера Николая со слесарным инструментом на случай, если придется взламывать замки, мы подошли к дверям. Двое крепких парней-отрядчиков взялись помогать нам. Замки в калитке и в задней

двери кирхи в полном порядке. Очевидно, второй помощник капитана танкера имел ключи или универсальную отмычку.

Мы самым тщательным образом обследовали помещение алтаря, но ничего интересного не обнаружили.

— Давайте-ка посмотрим помещение перед алтарем для очистки совести... раз уж пришли сюда... — ворчливо пробормотал неугомонный Осипов.

Обширное помещение кирхи было заставлено тесно сдвинутыми тяжелыми скамьями и пюпитрами, обычными для лютеранских и католических церквей. Полы этого помещения были выложены большими бетонными плитами. Мы осмотрели стыки плит в передней, у входа, части кирхи. Все они подогнаны одна к другой. Тогда стали передвигать сюда скамьи с пюпитрами.

Шел четвертый час ночи, когда мы сдвинули последние скамьи и обратили внимание на деревянную подставку, куда ставят гробы покойников, когда их отпевают. Это было продолговатое устройство шириной в метр и высотой сантиметров в семьдесят. Под подставкой мы обнаружили плиту такого же размера, как и все остальные, но на ней был выбит небольшой крест и под ним три буквы латинского алфавита. Края плиты были слегка выщерблены, значит, она поднималась. Осипов приказал сдвинуть плиту в сторону.

Открывшееся перед нами было столь неожиданным, что на некоторое время привело всех в оцепенение. При мерцающем свете свечей высокие своды кирхи тонули в густом мраке, а внизу, под плитой, в глубокой могиле, заполненной морской водой, был виден деревянный гроб! Молча мы стояли вокруг. На наших отрядчиков, еще не отделавшихся от суеверий, гроб произвел угнетающее впечатление. Они были смущены и растеряны.

Молчание прервал Осипов, сказав, что гроб все же придется поднять и вскрыть. В гробу лежал офицер...

Константин Осипов приказал Николаю немедленно отправиться на квартиру к нашему старику врачу и привезти его в кирху.

На умершем офицере был английский военный френч, широкий кожаный пояс с портупеей. На погончиках — лейтенантские знаки, а на отворотах френча — небольшие крестики. Вместо же обычной рубашки с галстуком под френчем виднелся черный суконный нагрудник, плотно прилежавший к стоячему крахмальному воротнику с застежкой позади. Некоторое время Осипов все это рассматривал, а затем сказал, что по всем признакам умерший был военным священником — капелланом. Костю заинтересовала небольшая статуэтка, которая лежала в гробу.

— Вот это интересно! — сказал он негромко и взял в руки статуэтку.

Вернулся с доктором Николай. Нам старый эскулап был рассержен ранним визитом к нему. Работая в ЧК с первых дней, он привык ничему не удивляться. Увидев гроб, не задавая нам никаких вопросов, деловито подошел к нему и, достав из своего сакvoja резиновые перчатки, нагнулся над трупом. Затем достал лупу и через нее опять стал рассматривать глаза покойника.

— Типичный случай смерти от тропической малярии...

— Вы оставайтесь здесь. Гроб закройте, а я поеду доложу начальству, — сказал Осипов.

Он ушел, унеся с собой статуэтку.

Ждать его возвращения нам пришлось часа три. Оставшийся с нами доктор рассказал нам, что Бату-ми в 1920—1921 годах был оккупирован 22-й Британской бригадой микст, которой командовал генерал Куколис. Британская бригада состояла из разных батальонов.

В то время в Аджаристане свирепствовала, позже изжитая, тропическая малярия, и крепкие на вид британские солдаты-индусы умирали от нее один за другим. Так же тяжело батумская малярия отражалась и на офицерах-англичанах, но когда они заболели, их немедленно отправляли в Стамбул или в Египет. Что же касается молодого капеллана, то доктор был склонен к тому, что он заболел и скоропостижно скончался непосредственно перед эвакуацией бригады Куколиса из Батуми. Вот его и похоронили в полу кирхи, а в гроб положили загадочную статуэтку. Спустя какое-то время, его родные, которые имелись в Англии, найдут подходящее время, чтобы забрать гроб и вывезти его на родину.

Наконец вернулся Осипов. Он сказал, что начальство распорядилось похоронить на кладбище обнаруженный нами труп. К нашему удивлению, медную статуэтку, которая казалась нам цельной, Косте удалось вскрыть. Она оказалась полой, в дупле Осипов обнаружил золотые и бриллиантовые вещи. Судя по показаниям дочери смотрителя, капеллан бывал на маяке, и мы предположили, что ценности, оказавшиеся в полости статуэтки, были зачем-то отданы смотрителем этому капеллану. Вот, оказывается, за чем приходил в кирху второй помощник капитана с танкера. Однако он не совсем точно знал, где и что искать, и поэтому статуэтку не обнаружил.

СОДЕРЖАНИЕ

Здесь предстояло мне начать службу	5
«Врач» с концессии Лена — Гольдфилдс	7
Короткая прогулка	27
Диверсия	34
Агент Индоевропейского телеграфа	82
Беглец с Урала	112
Медная статуэтка	119

Василевский Лев Петрович родился в 1903 году в Курске. С 1927 года работал в органах государственной безопасности, участвовал в национально-революционной войне испанского народа (1936—1939 гг.) и в Великой Отечественной войне, в настоящее время полковник в отставке. С 1954 года начинается его литературная деятельность, он автор документальных повестей: «В оккупированном Париже (воспоминания генерального консула)», «На земле Монтесумы», «После Зорге», «Испанская хроника Григория Грандэ», а также многих рассказов и очерков. Л. Василевским переведены с французского и испанского языков мемуары крупных деятелей испанской революции: Игнасио Идальго де Сиснероса «Меняю курс» (1967), Энрике Листера «Наша война» (1969); романы Роже Лесажа «Лунные стада» (1960), Бернара Горского «Атолл» (1970), повести Бенитоса «Путешествие к индейцам Тараумару» (1965), Анри Бурдана «Трагический рейс» (1972), Родригеса де ля Дуэнте «Африканский рай» (1972) и др.